

«Смерть» на языке цветов

Автор:

Людмила Мартова

«Смерть» на языке цветов

Людмила Мартова

Желание женщины

Все началось с маленького неприметного цветка лайма, который убийца оставил на теле своей первой жертвы. Каково было удивление Лилии Ветлицкой, работника следственного управления, когда она поняла, что убитой оказалась Вера, с которой ее связывает общее прошлое... Лилия взялась за расследование, даже не подозревая, что убийца знает еще много способов преподнести цветы. Она поняла, что ввязалась в опасную для своей жизни игру, когда сама получила букет от неизвестного отправителя.

Людмила Мартова

«Смерть» на языке цветов

© Мартова Л., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Марии Перетягиной, возрождающей во мне желание бороться с обстоятельствами.

Флер[1 - Fleur – цветок (фр.).] – покров, скрывающий что-нибудь.

Сергей Ожегов. Толковый словарь русского языка

Упорен в нас порок, раскаянье – притворно;

За все сторицею себе воздать спеша,

Опять путем греха, смеясь, скользит душа,

Слезами трусости омыв свой путь позорный.

Шарль Бодлер. Цветы зла

Глава первая. Горшок с гортензиями

Любовь и работа – единственные стоящие вещи в жизни. Работа – это своеобразная форма любви.

Мэрилин Монро

Счастье пришло в жизнь Лёки, когда ей исполнилось четыре года. Именно в этом нежном возрасте ее взяла к себе жить тетя Мила, мамина старшая сестра, а по совместительству Лёкин ангел-хранитель.

Лёка любила тетю Милу и до того памятного дня, когда тетка перевезла ее к себе вместе с небольшим фибровым чемоданом, в котором хранилась Лёкина скромная одежонка. Мила частенько забирала Лёку из детского сада, и каждый день в районе полдника, когда уже был выпит вкусный кисель или ненавистное горячее молоко с пенкой, или вполне себе терпимое какао и съедено овсяное печенье или витушка, посыпанная расплавившимся сахаром, или ватрушка с творогом, Лёка начинала то и дело поглядывать на дверь, ведущую из группы в раздевалку. Она загадывала про себя, что если придет мама, то вечер окажется скучным и тягостным, как горячее молоко с печеньем, если папа, то ровным и

неинтересным, как какао с ватрушкой, а если Мила, то радостным и праздничным, как кисель со сладкой витушкой.

Папа забирал Лёку из садика примерно раз в неделю. В детстве она, конечно, не могла понять, с какой периодичностью это случалось, но потом, когда уже стала взрослой и вспоминала детство, по всем раскладам выходило, что так оно и было. Раз в неделю.

Он всегда терпеливо дожидался, пока дочка, сопя и потея, натянет на себя вечно перекручивающиеся колготки, потом штаны и кофточку, затем шапку, неловкими пальцами застегнет петельку и пуговку на горле, криво наматает шарф, влезет в валенки и пальто на вате. Папа никогда не сердился на Лёку за то, что она копается, но и не помогал. Ждал, пока она справится сама.

Затем они степенно вышагивали по улице, и Лёка загребала галошами снег, с интересом разглядывая холодные и колкие снежинки, красиво лежащие на ее блестящие, будто лакированные, а на самом деле резиновые, галоши, купленные в «Детском мире». По дороге домой они нигде не останавливались и никуда не заходили. Шаг, второй, шарк-шарк, снежинки на галошах и вспотевшие маленькие пальчики внутри варежек на резинке.

Папа крепко держал Лёку за руку, но она совершенно точно знала, что думал он в этот момент о чем-то другом, уж никак не о Лёке и ее детсадовских заботах. Она несколько раз пыталась с ним заговорить, но папа будто не слышал ее бормотания и робких вопросов. Он не сердился, но и не отвечал, и Лёка постепенно перестала спрашивать. Просто шла домой молча и разглядывала снежинки, если дело было зимой, или листики, если осенью, или клевер, которого почему-то особенно много было вдоль дороги из детского сада, если домой они шли летом.

Папа в дверях это было ничего, не страшно. Гораздо хуже было, если в дверях показывалась мама. Лёка вздрагивала и втягивала голову в плечи, осознавая все свое несовершенство. В такие дни колготки проявляли особенную вредность, и мама, не выдерживая, вырывала их у Лёки из рук и хлестала дочку по тощей, вздрагивающей от страха спинке. Шапку мама застегивала сама, и ее пальцы с острыми кровавого цвета ногтями каждый раз царапали Лёке подбородок. Эти ранки почти никогда не заживали, а появлялись снова и снова. И лишь в конце апреля, когда шапка отменялась, Лёка выдыхала с облегчением.

По дороге домой мама дергала Лёку за руку, чтобы та шла ровнее, высоким надтреснутым голосом ругала ее за какие-то неведомые провинности, тянула и иногда, поторапливая, поддавала под зад коленом. Ее страшно раздражало, что Лёка – такая тупая и медлительная черепаха.

Зато, когда за распахнутой дверью оказывалась Мила, жизнь расцветала яркими красками. Тетка ловко и споро одевала Лёку, колготки натягивались в мгновение ока, штаны и кофточки, а также шапки и прочие элементы гардероба порхали в ее легких руках. По дороге она покупала Леке мороженое, если было лето, или леденец на палочке, или вкусный ванильный сухарь, или конфету «Гулливер», и путь до дома был легким, сладким и очень коротким. Мила всегда расспрашивала, как дела в детском саду, переживала Лёкины горести и радовалась ее победам. Они вместе лепили фигурки из пластилина на конкурс к Дню урожая и собирали гербарий, и старательно склеивали новогоднюю гирлянду из разноцветных бумажных колечек.

– Из тебя бы вышла такая примерная мамаша, жаль, что тебя замуж никто не берет, – фыркала мама, стремительно несясь через «большую» комнату, в которой рукодельничали ее сестра и дочь, из спальни, где она печатала на машинке, в кухню, где на плите булькал суп. Капуста в нем всегда была безвкусной и по виду походила на вареные грязные тряпки.

– Я вот не понимаю, зачем ты ребенка родила, если так его ненавидишь, – парировала Мила. Свою младшую сестру она ни капельки не боялась.

– Да не рожала бы я, если б не залетела, – с досадой отвечала мама, а Лёка втягивала голову в плечи, думая, что если она станет совсем незаметной, то, может быть, не станет раздражать ее так сильно.

Понятно, что слов «залететь» и «раздражать» она не знала. А вот ощущение окутывающего и постоянного раздражения было. Она тонула в нем, как елочные игрушки, уложенные в вату, чтобы не разбились. Вот только никого не интересовало, может ли разбиться сама Лёка. Только Милу, которая ее почему-то любила.

Они даже внешне были похожи. Курносая, плосколицая, кудрявая Лёка как две капли воды походила именно на кругленькую, рыжую, тоже кудрявую Милу, а не на свою строгую сероглазую красавицу-мать, талию которой можно было

перехватить двумя пальцами. Причуды наследственности, что тут скажешь.

Маме было всего двадцать два года. Лёку она родила в восемнадцать, из-за этого не окончила институт и теперь работала машинисткой в редакции городской газеты, беря на дом основную работу и подработку. Мама печатала практически всегда. И долгое время Лёка даже не могла заснуть, если из соседней комнаты не раздавался стрекот печатной машинки и резкий звук сдвигаемой влево каретки.

Миле было двадцать шесть, она работала учительницей начальных классов, потому что слепо любила детей. Любых, без разбора. Будучи до сих пор одинокой, она охотно брала на себя заботы о Лёке, чтобы облегчить младшей сестре серые материнские будни, и в такие дни Лёка чувствовала себя счастливой, хотя бы ненадолго.

А потом счастья стало так много, что его можно было черпать ложкой. Есть, набрав с горкой как манную кашу с положенным в нее черничным вареньем. Или клубничным, что было особенно вкусно. Конечно, варенье в кашу клала только Мила. Мама считала, что это баловство, и ребенок должен есть то, что ему поставят перед носом.

Мила забрала Лёку жить к себе, потому что мама ждала второго ребенка, и это ожидание было совершенно невыносимым от того, что рядом отиралось такое глупое, никчемное и никому не нужное существо, как Лёка. Тупая медлительная черепаха. Так, Лёка переехала к Миле, та купила ей черепаху, милейшее и совсем неглупое существо, и жизнь показалась прекрасной и удивительной.

Теперь Мила отводила Лёку в детский сад и забирала домой каждый вечер, а к родителям они ходили в гости по субботам, и те два часа, которые они проводили за старательно накрытым столом, мама целовала и обнимала свою кровиночку, свою любимую маленькую девочку, поскольку чувствовала себя неловко от того, что сбавила дочь из дома.

Без Лёки ей жилось гораздо спокойнее. Причем, когда беременность завершилась рождением в срок крепенького черноволосого младенца, Лёкиного братика, забирать дочь обратно она не торопилась. И когда брат пошел в детский сад, Лёка продолжала жить у Милы. А тетка завязывала ей банты и сшила платье Снегурочки. Лёка всегда была на детских утренниках именно

Снегурочкой, потому что таких сказочных нарядов, как у нее, больше не было ни у одной девочки в группе.

Мила возила ее летом на море. Мила проводила ее в первый класс, крепко сжимая потную от волнения ладошку. Мила вытирала ей слезы, когда первого же сентября Лёка посадила чернильную кляксу на белый фартук, а им нужно было фотографироваться на память в лучшем фотоателье города. Оценив масштаб бедствия, Мила стащила с Леки злополучный фартук, налила ей горячего борща, выдала горбушку хлеба и велела не реветь, а сама быстренько простирнула фартук под краном, а потом высушила утюгом, так что и следа не осталось. Завязывая на спине пышный бант, Лёка представила, как бы разозлилась из-за кляксы мама, и содрогнулась.

Жизнь с Милой была праздником. Как сказал Хемингуэй, пусть и не про Милу, а про Париж, это был – «праздник, который всегда с тобой». Тетка сказала Лёке эту поразившую ее фразу, портрет Хемингуэя висел у нее в нише комнатной «стенки», вообще-то предназначенной для телевизора, и тетка зачитывалась и цитировала по поводу и без. Портрет был вырезан на дереве и покрыт черным лаком. Лёка боялась Хемингуэя, потому что тот следил за ней строгими, совсем, как у матери, глазами, в каком бы углу комнаты она ни находилась. Она даже эксперимент проводила, отходила в дальний угол и ловила на себе этот презрительный взгляд человека, который видел все ее несовершенство. В общем, Хемингуэя Лёка не любила, но фраза про праздник, который всегда с тобой, ей понравилась, потому что она была про Милу.

Праздник кончился, когда Лёке исполнилось двенадцать. Мила неожиданно собралась замуж. Краснея и смущаясь, она сообщила, что встретила свою судьбу. Ею оказался пятидесятилетний вдовец с тремя детьми, старший служил в армии, а двое других учились в школе и вошли в тот самый сложный подростковый возраст, который требовал вмешательства родителей. Другими словами, совсем отбились от рук. Вдобавок ко всему жених жил в одном райцентре, находящемся от их города в трехстах километрах с гаком, и, по разумению Лёки, встреча с ним вряд ли тянула на судьбоносную. Но тридцатичетырехлетняя Мила так не считала. На эмоциональном подъеме носилась по квартире, собирая вещи, напевала, мечтала о том, что успеет еще родить ребенка, своего ребенка, и накануне отъезда передала Лёку родителям, будто и не замечая ее душевного состояния.

А Лёка оцепенела, замерзла, впала в анабиоз. Она не ела, не пила, не расчесывала волосы и не делала уроки, будто и забыв, что круглая отличница.

– А может, я с тобой поеду? – робко спросила она у Милы уже перед самым выходом из дома. – Ну и что, что райцентр, и там люди живут.

– Лёк, ты что? – всплеснула руками Мила. – У меня там и так два трудных подростка на руках будут, да еще свой народится, бог даст. Куда мне еще ты, в самом-то деле. Да и вообще. У тебя родители есть, хватит тебе в подкидышах ходить.

Если в добрых детских сказках Золушка превращалась в принцессу, то в данном случае обожаемая, холимая и лелеемая принцесса, наоборот, в одночасье превратилась в Золушку. Лёка еще удивлялась, почему не в жабу. Она мыла посуду, жарила брату омлет и разогревала суп, собирала по дому его носки и игрушки, помогала делать уроки и в перерывах между стрекотом пишущей машинки выслушивала мамины сетования на то, как же ей повезло с младшим сыном, и как же не повезло с дочерью. Тупой медлительной черепахой.

Ее черепаха, принесенная в родительский дом в коробке из-под Милиных французских туфель, через две недели куда-то пропала. Лёка подозревала, что ее братик, милый Илюша, имеет к этому самое прямое отношение, поскольку днем раньше видела, как он пытался ножницами достать из панциря втянутую туда от ужаса перед неминуемой гибелью черепашью голову, но доказательств у нее не было, а мама раздраженно велела не приставать к ней со всякой ерундой. Не стало черепахи и слава богу.

Предательство Милы, а все случившееся Лёка, уже свободно оперирующая взрослыми понятиями, оценила именно как предательство, было воспринято ею даже не как трагедия, а как крушение всей жизни. Она точно знала, что больше никогда не сможет никому доверять. Что любовь, какой бы искренней и горячей она ни была, всего лишь иллюзия, которая рассыплется в прах при первом же удобном случае.

Она ни с кем не дружила и ни в кого не влюблялась, а при попытке приблизиться к ней тут же втягивала голову в панцирь, глубоко-глубоко, чтобы никто не мог дотянуться до нее острыми ножницами. Она была совершенно одна, и ей никто не был нужен, до тех пор, пока в ее жизни не появилась Сашка.

Сашка родилась внутренне одинокой, хотя выросла в огромной и дружной семье, где все друг друга любили. У Сашки было пять старших братьев, как на подбор, высоких, статных, бородатых мужчин, говорящих громкими голосами, работающих на лесозаготовках, уважающих водку и из всех развлечений признающих только охоту.

Сашку они обожали, и она их тоже. Но при этом все равно оставалась как-то на отшибе, одна, как березка в поле. Сашка была похожа на неуклюжего щенка, активно тыкающегося острой мордочкой во все углы необжитого еще дома. Щенок Сашка да черепаха Лёка, они стали отличной парой, сдружившись на первом курсе института, внезапно и на всю жизнь.

Внешне они были совершенно разными, да и внутренне тоже. Статная, крепкая, твердо стоящая на ногах и трезво смотрящая на жизнь Лёка, понимающая, что всего, что ей хочется, придется добиваться самой. И хрупкая, ясноглазая Сашка, которую приходилось опекать и лелеять. В общежитии у нее убежало молоко и пригорала каша, стипендию у нее либо вытаскивали в первый же день, либо «расстреливали» в ближайшую же неделю. Она могла ходить в дырявом носке, из которого трогательно торчал нежный девичий пальчик, трогательно накручивала на палец прядь дивных шелковистых волос, гладких и темных, как вороново крыло. Доверчиво смотрела на всех без исключения огромными глазами, фиалковыми, красиво оттененными длинными пушистыми ресницами, и ничуть не расстраивалась, что люди никогда не оправдывали этого ее доверия. Все, кроме Лёки. Лёка была ее божеством. И, пожалуй, если бы понадобилось, то за нее она вполне могла бы убить.

* * *

Лиля проснулась с улыбкой. Она и сама не знала, чем вызвано ее отличное настроение. Весной, скорее всего. Лиля очень любила весну с ее неизбежным выздоровлением от зимней хандры, кусачей шерсти свитеров, тяжелых ботинок, жарких пуховиков, бесконечного снега, одинаково унылого в белом и черном цвете, засыпанных дорог и власти тьмы. Свет должен побеждать тьму. В этом она была уверена. Весь ее профессиональный опыт лишь подтверждал это.

Должность у Лили называлась серьезно. Старший помощник руководителя следственного управления, это тебе не хухры-мухры. Карьеристкой она не была. Просто искренне любила свою работу, которая за десять лет службы не утратила

ни интересности, ни легкого романтического флера, ни остроты ощущений. Ей нравилось быть следователем. Пожалуй, именно к этому она стремилась все пять лет учебы в юридической академии. Ей было обидно, что про эту трудную, в чем-то героическую профессию так мало знают обычные люди, и ей хотелось как-то побороть эту несправедливость.

Еще будучи следователем, Лиля Ветлицкая охотно общалась с прессой, налаживая контакт между управлением и журналистами, пыталась писать пресс-релизы, причем не сухонным, а человеческим языком, понятным и способным заинтересовать сначала СМИ, а затем и читателей. Предложение создать и возглавить пресс-службу прозвучало для нее как гром среди ясного неба, но, подумав, она нашла в нем массу плюсов. Теперь Лиля была в курсе всех дел, которые вели ее коллеги, а не только своих собственных, а главное – могла постоянно поставлять в средства массовой информации поток актуального материала, формирующего положительный имидж следствия. Ей было это интересно. У нее это получалось.

Авторитетная должность и звание подполковника юстиции стали приятным дополнением к той работе, которую она искренне считала делом своей жизни. Это был весьма неплохой результат для тридцати двух лет. И этому результату многие завидовали. Шепоток за Лилиной стройной, идеально ровной спиной не смолкал. Карьеру молодой интересной женщины проще объяснить постельными отношениями с руководством, чем умом и работоспособностью. Про сплетни и козни завистников Лиля знала, но внимания на них не обращала. В отличие от работы это ей было неинтересно.

Сегодня с утра она собиралась в дом-интернат, расположенный на окраине города. Несколько дней назад в «ВКонтакте» появилось видео с пьяными воспитанницами интерната, отчаянно пристававшими к случайному прохожему. Несмотря на то что в самом начале весны вечера были еще холодными, девочки на видео щеголяли в сланцах на босу ногу и в легких курточках поверх футболок. Видео вызвало небывалый резонанс на городском интернет-форуме, а так как речь шла о содержании детей-сирот, то руководство поспешило назначить следственную проверку.

Дело поручили одному из следователей, с которым у Лили были очень натянутые отношения. Женщин он не терпел, женщин следователей не признавал, Лилино звание подполковника воспринимал как личное оскорбление, общение с прессой считал несусветной глупостью, поэтому информации Лиле давал самый

минимум, особо не разгуляешься.

За десять лет службы Лиля усвоила правило не бороться с ветряными мельницами, поэтому взяла ноги в руки и поехала в интернат сама, чтобы на месте определиться, что к чему. На выезды она выбиралась редко, и без того ни на что не хватало времени. Как правило, сводки ей поставляли дежурные по управлению. Кроме того, она обязательно присутствовала на всех «оперативках», а также запрашивала интересующую ее информацию у следователей и криминалистов, но право самой выезжать на место происшествия у нее было.

В данном случае говорить о преступлении было пока рано, но первый выезд в интернат оставил у нее тяжелое впечатление. Вроде и здание выглядело отремонтированным, и стены внутри оказались выкрашенными в веселенький розовый цвет, и чистота вокруг была, и прогорклыми щами не пахло, но острый привкус сиротства, казалось, был разлит в воздухе. Он был горьким и затхлым. От него першило в горле и щипало глаза.

– Здравствуйте. Вы будете чья-то мама? – Этот вопрос заставил Лилю завертеть головой в поисках задавшего его человека.

Человек, точнее человечек, стоял рядом и внимательно смотрел на нее снизу. Мальчик, маленький и слишком худенький, с огромными глазами какого-то удивительного изумрудного цвета. Лиля никогда не видела, чтобы у людей были такие глаза.

– Привет. Я уже мама, – улыбнулась она. – У меня есть сын, его зовут Гриша, и ему восемь лет. А тебя как зовут?

– Матвей, мне десять. – Мальчик на глазах поскучнел от ее ответа. Лиля вдруг догадалась, что он принял ее за женщину, приехавшую в интернат усыновлять ребенка, и внезапно расстроилась из-за его в очередной раз разбитых надежд. – А вы к нам по делу?

– Да. Я ищу кабинет директора. Ты мне не покажешь где это?

– Покажу. Отчего ж не показать. А вы нашу директрису знаете?

– Нет. Только собираюсь познакомиться. Что ты мне про нее скажешь? Строгая она у вас?

– Не знаю. – Матвей независимо пожал худенькими плечами. – Мы ее не видим почти никогда. Она к нам не ходит.

– Что значит не ходит? – Лиля даже поперхнулась от удивления.

– Ее недавно назначили, меньше года. Ирина Тимофеевна ее зовут. Бывшая директриса на пенсию ушла. Она к нам все время приходила. Вечером читала иногда, проверяла, легли ли мы спать. Расспрашивала, все ли мы в школе понимаем. А эта в спальни никогда не ходит. Мы ей неинтересны.

– Разве ж так может быть? – рассмеялась Лиля. – Она же ваш директор.

– Может. Ей важно, чтобы комиссии всякие довольны были. Чтобы в отчетах порядок. А мы сами по себе ей без надобности. Она нас знаете как называет? Утырками.

– Утырками? – Лиля не верила собственным ушам.

– Ага. У нас уже несколько воспитателей уволилось. Хороших. Она всем зарплату срезает. А на освободившиеся ставки своих родственников берет. Вот люди и бегут.

Мальчишка явно повторял чьи-то слова, но то, что он говорил, Лиле не нравилось категорически. Не случайно пьяные воспитанницы попались на глаза равнодушному прохожему, ой, не случайно. В интернате творилось что-то нехорошее, но вот что именно? Лиля была уверена, что обязательно в этом разберется, не дав возможности своему коллеге следователю спустить дело на тормозах.

За десять лет она повидала много всякого горя и полного беспредела, к которому у нее даже выработался некий иммунитет, тот самый, сродни врачебному цинизму, который позволяет ему не умирать с каждым своим пациентом. Но она так и не смогла привыкнуть к тому, что обижали детей. Короста, защищающая душу, каждый раз сколупывалась, открытая ранка

кровоточила и болела, да так сильно, что Лиля иногда даже поскуливала... Она рыла землю так, что та начинала гореть под ногами у тех, кто посмел обидеть ребенка. Неведомой ей пока Ирине Тимофеевне встреча с Лилией Ветлицкой уже вряд ли сулила что-нибудь хорошее.

С директрисой она, правда, в тот день так и не увиделась. Ирины Тимофеевны Колпиной на месте не оказалось, и секретарша бляла что-то невразумительное о причинах ее отсутствия, старательно отводя глаза в сторону. Зато Лиля неторопливо и обстоятельно переговорила с преподавателями, которые так же прятали глаза. Эпидемия тут, что ли.

Бедно одетые тетки с химической завивкой на голове бормотали что-то про здоровый психологический климат, налаженный контроль за детьми и слухи, вызванные происками конкурентов. Про конкурентов Лиля, признаться, не поняла. Какие могут быть конкуренты у детского дома? Но учителя и воспитатели, как по шпаргалке, твердили одно и то же, не понимая, что выглядят смешно. Нелепо выглядят. И лишь одна из них, молодая, здоровая, активная девчонка с блеском в карих глазах и лихой неровной челкой, глядя прямо в глаза Лиле, призналась, что «прогнило что-то в датском королевстве»[2 - У. Шекспир «Гамлет».], то есть - в детском доме имени композитора Балакирева.

- Хочется надеяться, что наконец-то следственные органы разберутся в том бардаке, который царит в нашем богоугодном заведении, - заявила она.

- Что вы имеете в виду? - уточнила Лиля.

- Да все. Вы документы запросите. Колпина же на работе не бывает практически. Ее личный водитель с утра отвозит в парикмахерскую, потом на маникюр, потом по магазинам. Она в лучшем случае к обеду появляется. А машину отправляет забрать из университета друга ее сына.

- Зачем?

- Что зачем? Это же круто, когда есть служебный автомобиль, который возит всю твою семью, а еще и друзей сына в придачу. Сейчас на дворе у нас что, апрель? А в бухгалтерии говорят, что бензин мы уже октябрьский списываем. Наша царская задница ведь пешком не ходит. Тяжело ей, при ее-то весе.

– Я мальчика встретила в коридоре, он мне сказал, что директор устроила на работу своих родственников. Дети что, в курсе?

– Так они же не в безвоздушном пространстве живут. – Девушка пожала плечами. – Устроила. Сына в библиотеку, а еще на полставки педагогом-организатором. В результате библиотека все время закрыта, а он там внутри запирается и в компьютерные игры играет. А воспитательной работы никакой не ведется. Он к детям даже не заходил ни разу. Впрочем, как и сама Ирина Тимофеевна. А старшеклассникам этот сынуля так и говорит: «На хорошую работу меня мать устроила. Делать ничего не нужно, а деньги платят. Тридцать тыщ».

– Немало, – не выдержала Лиля.

– Да уж, конечно. С учетом того, что у обычных педагогов и воспитателей тысяч семнадцать выходит. А еще у нас в штате два психолога. Одна ведет всю работу с трудными детьми в первую очередь. И зарплата у нее меньше двадцатки. А вторая – дочка нашей Ирины Тимофеевны – ведет документооборот. И зарплата у нее тридцать пять. Как вам такой расклад?

– Не нравится мне такой расклад, – честно призналась Лиля. – Думаю, будут вопросы к вашей Колпиной. И весьма неприятные.

– Ну так не одни приятные моменты в этой жизни встречаются. А то как в телевизоре красоваться, про интернат рассказывать, так она первая. А как за свои огрехи отвечать, так ее нет. Несправедливо это.

– А что, Колпина любит в телевизоре красоваться? – Лиля спросила про это совершенно машинально, профессиональное ухо зацепилось за слово «телевизор».

– Ну да. Она любит сюжеты заказывать про праздники, которые у нас проходят. Стоит, лыбится в камеру, детей полными ручками в браслетах обнимает. Патока одна и лицемерие. Вчера, правда, вертелась тут ужом. Съёмочная группа городского телеканала приезжала, по поводу видео в «ВКонтакте». Сюжет критический снимали, что у нас дети беспризорными ходят и в стельку пьяными напиваются. Ну, Колпина, конечно, все обвинения опровергла. Мол, происки

конкурентов, а в нашем детдоме все тишь, гладь и божья благодать.

- А на самом деле? Напиваются дети? - аккуратно поинтересовалась Лиля.

- Конечно, напиваются. У нас же все опытные воспитатели уволились, потому что эта гримза им зарплату урезала. Остались одни молодые, неопытные, которым идти некуда. А у нас ведь дети с непростой судьбой и, как следствие, характером. Их не каждый удержать может. Вот девочки вечерами и уходят на вольный выгул. А район у нас неблагополучный, сами знаете. Вот им и наливают, где получится. Девчонки еще меньше сумасбродят. Это уж так получилось, что именно они попались. А уж мальчишки чего делают, это же уму непостижимо. И руководство интерната никаких мер не принимает, чтобы это остановить. Ни в полицию не обращается, ни профессионалов не нанимает. Колпиной все равно. Она только бюджет пилит и по карманам распихивает. А до детей ей и дела нет.

- Бюджет пилит? Это деньги ворует? - еще более аккуратно уточнила Лиля.

- Ну да. У нас недавно мальчика усыновили в Италию. А есть такое правило, усыновители на спецсчет некую сумму перечисляют, и эти деньги расходуются именно на ту группу, из которой ребенка усыновили. На ремонт или на игрушки. В этот раз было решено в группу шторы новые купить и развивающие игры, а еще игрушки мягкие. Часть денег успели потратить, а вторая часть лежала, ее на лето оставили. Так вот нет этих денег. Все.

- Куда же делись?

- На ремонт колпинского кабинета. Там стены обклеили обоями за десять тысяч за метр, новую стенку купили и набор мягкой мебели. А в группе кровати разваливаются. А ей все нипочем. Курва.

Сегодня Лиля освободила полдня, чтобы еще раз съездить в интернат и все-таки лично познакомиться с чудо-директором. Образ у нее в голове сложился малоприятный, но первому впечатлению Лиля привыкла не доверять. Ее опыт твердил, что Колпина может на самом деле оказаться прекрасным специалистом и вообще душкой, а вся история, рассказанная девицей с челкой, - плодом больного воображения или результатом личной неприязни.

Заодно Лиле очень хотелось еще раз повидать Матвея. Мальчишка почему-то запал ей в душу. Может быть потому, что чем-то был отчаянно похож на ее Гришку. Внешне они как раз были совсем разные, и все-таки сходство было. Наверное, она и улыбалась, проснувшись, от того, что радовалась предстоящей встрече с ним.

Матвей ей обрадовался тоже.

- Ты ко мне? - немного недоверчиво спросил он. - Или по делу?

- Сначала к тебе, потом по делу. - Даже детям Лиля всегда говорила правду. - Но я же могу заниматься делами и при этом общаться с тобой, правда?

- Правда. Можешь, - Матвей кивнул и его худенькое личико с тонкой, будто просвечивающей изнутри кожей просияло. - А ты в английском разбираешься? А то мне уроки задали, а я там одно упражнение никак сделать не могу.

Лиля призналась, что в английском не сильна. Матвея это, впрочем, не огорчило.

- Ладно, тогда я сам. А в каком предмете ты мне помочь можешь?

Мальчишке очень хотелось, чтобы его новая знакомая помогла ему сделать уроки. Лиля улыбнулась, разгадав его хитрость, впрочем, чуть печально. Матвея ей было жалко.

- В истории, - сказала она. - Хочешь, я тебя в воскресенье возьму к себе домой, мы сходим в музей, а потом реферат напишем.

- Давай. Я знаю, что такое реферат. Нам задают. Иногда, - уточнил мальчишка. - А ты меня правда-правда на выходные возьмешь?

- Возьму, - пообещала Лиля. - Я никогда не обманываю. С Гришкой тебя познакомлю. Вместе и в музей пойдем, а потом в кафе. Мороженое есть.

- Здорово, - восхитился Матвей. - Ты тогда сразу уточни, какие заявления надо написать, чтобы тебе меня отдали. Хотя у нас с этим не очень строго. Если что, я запросто сбегу.

– Нет уж, – решительно заявила Лиля. – Сбегать мы не будем. Я, между прочим, подполковник, форму ношу, погоны, как видишь. Так что закон я никогда не нарушаю и сейчас не буду. Сделаем все так, как положено. Понял?

– Понял, – покладисто согласился Матвей. – Ты не думай, я слушаться буду.

В кабинет к Колпиной Лиля заходила, улыбаясь до ушей. Из-за стола темного дерева поднялась величественная фигура, размера пятьдесят восьмого, не меньше. Прическа у директрисы была уложена волосок к волоску, и Лиля сразу вспомнила рассказ про ежеутреннюю парикмахерскую.

На необъятной груди переливалась стразами блузка леопардовой расцветки, пухлые запястья были перехвачены толстыми серебряными браслетами с северной чернью, сосиски пальцев с нанизанными на них крупными перстнями переплелись под тройным подбородком в жесте, видимо, выражающем крайнее волнение. Ирина Тимофеевна Колпина не понравилась Лиле с первого взгляда и, видимо, навсегда.

– Что же к нам следователи-то зачастили? – низким голосом спросила директриса. – Сначала Егор Валентинович был, теперь вы. Уже второй раз приходите, как я слышала. Что ж вы в первый раз меня в известность о своем визите не поставили. Негоже это, без хозяйки по ее владениям ходить.

– Владениям? – переспросила Лиля, изогнув бровь. Было у нее такое умение. Ее бровь искривлялась, выражая различные чувства – смятение, радость, гнев. Сейчас бровь выдавала свой коронный номер – недоумение, переходящее в легкое, едва заметное презрение. Колпина, видимо, оценила это по достоинству, ее полное лицо покрылось красными пятнами, подбородки заколыхались. – Я, знаете ли, человек государственный. Нахожусь на службе, поэтому на встречи езжу согласно своему графику. А то, что вас в рабочее время нет на месте, так это я, простите, не виновата.

– Я ездила в департамент образования. – Ее контральто перешло в сопрано. – Я положенным образом исполняю свои служебные обязанности, а все остальное – это обвинения клеветников и...

– Конкуентов, – услужливо подсказала Лиля. – Я уже поняла, что среди детских домов процветает недюжинная конкуренция. Много ли ваших ноу-хау уже украли?

– Боже мой, за что мне все эти неприятности? – Колпина начала заламывать руки, а Лиле почему-то вспомнилась фраза из ее любимых Ильфа и Петрова: «Графиня изменившимся лицом бежит пруду»[З - И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок»]. Колпина именно так сейчас и выглядела, по крайней мере, лицо ее было очень даже изменившимся.

Дверь открылась, и на пороге появилась давешняя запуганная секретарша.

– Что такое? – взвизгнула директриса, нашедшая, на кого выплеснуть негативные эмоции. – Сколько вам говорить, что меня нельзя беспокоить, когда у меня посетители.

– Ирина Тимофеевна, к вам курьер, – растерянно прошептала секретарша.

– Какой курьер?

– Из «Мира цветов».

– Что-о-о? Какой курьер, боже мой, я ничего не понимаю. У меня такие неприятности, а тут еще и это.

Лиля с интересом наблюдала за этой непонятной сценой. В кабинет прошел курьер. Молодой человек в фирменной куртке, на которой красовался известный всему городу логотип фирмы «Мир цветов». В руках он держал горшок с каким-то пышным растением. С первого взгляда Лиле показалось, что это гортензия.

– Вот, у меня заказ. Велено передать лично в руки Колпиной Ирине Тимофеевне, – заглядывая в какую-то бумажку, скороговоркой проговорил он.

– Это я. – Голос директрисы вновь вернулся к глубокому контральто. – А от кого это?

– Не знаю, я просто посыльный. – Курьер пожал плечами. – Велено доставить в дом-интернат имени Балакирева и передать вам лично в руки. Вот, распишитесь, пожалуйста.

Колпина черкнула затейливую подпись и растерянно взяла в руки горшок с тремя неземной красоты цветками – розовым, сиреневым и белым. Рассмотрев пышные разноцветные шапки, Лиля убедилась, что это действительно гортензии. В первые дни апреля они смотрелись празднично и даже немного неуместно. Упоительный аромат поплыл по кабинету.

– Я ничего не понимаю. – Колпина проводила глазами ушедшего курьера и секретаршу, посмотрела на цветы, которые держала в руке, а затем на Лилю. – Я понятия не имею, кто мог послать мне эти цветы.

– Благодарные воспитанники, – поддела ее Лиля. – Или страстные воздыхатели, либо тайные поклонники. У вас есть тайные поклонники, а, Ирина Тимофеевна?

– Откуда же я знаю, если они тайные? – В голосе директрисы послышались кокетливые нотки. Происходящее ей явно начинало нравиться. Она водрузила на край стола горшок с благоухающими цветами. – Ну, задавайте свои вопросы, если они у вас есть. Мне нечего скрывать, и, как видите, далеко не все окружающие считают меня плохим человеком.

– Ну что ж, объясните мне, как получилось, что ваши воспитанницы в ночное время оказались за стенами интерната, да еще в нетрезвом виде? – Лиля открыла блокнот и приготовилась записывать. Дурманящий запах цветов щекотал ей ноздри.

Глава вторая. Когда зацветает лайм

Самые горькие слезы над гробом мы проливаем из-за слов, которые так и не были сказаны, и поступков, которые так и не были совершены.

Гарриет Бичер-Стоу

Лавров проснулся внезапно, как от удара. Впрочем, мысль, разбудившая его, и была хлесткой, как удар, бьющий под дых и перекрывающий дыхание. Веры больше нет.

Он вспомнил, как больно ему было, когда эта мысль впервые начала подкарауливать его, выбирая для своего визита самое неподходящее время. Он мог вспомнить, что Веры нет, вкручивая лампочку под потолком или сидя в засаде, или закусывая водку маринованными огурцами, или вот так же, проснувшись под утро минут за сорок до будильника от того, что воздух не проходит в скрученные от непереносимой боли легкие.

Два года прошло с той поры. Смирился ли он с тем, что жена ушла от него, предпочла ему, Лаврову, другого мужчину? Более удачливого, более успешного, более богатого, да и что там греха таить, более красивого.

Мент Лавров с его стандартной зарплатой и непонятными перспективами не мог конкурировать с владельцем крупной IT-компания, разъезжающим по всему миру и легко покупающим Вере оригинальные сумки от Луи Виттон. Пока Вера не сказала ему, что это, оказывается, важно, Лавров и понятия не имел, что существуют сумки такой марки.

Они поженились еще студентами и радовались пустой однушке с собственноручно поклеенными обоями, в которой из мебели был только старенький диван и дребезжащий на разные лады холодильник. Однушка досталась Лаврову от бабушки, и они так радостно вдвоем клеили обои в дурацкий мелкий цветочек и пекли блины, потому что в холодильнике не было ничего, кроме одного яйца и пакета с мукой. Блины были на воде и совсем несладкие, но тогда это казалось чем-то само собой разумеющимся.

Тогда Вера еще не хотела заказывать суши из ресторана, покупать тигровые креветки в супермаркете, смешивать их с травой под названием руккола и заправлять оливковым маслом. Тогда не было ни креветок, ни рукколы, ни супермаркетов, зато счастье, казалось, можно было черпать ложкой, как манную кашу с клубничным вареньем.

Вера тогда была сероглазой, худенькой молодой девчонкой с трогательным хвостиком на голове. Он очень ее любил и твердо знал, что она тоже любит его и гордится тем, что после института он пошел в милицию. Она боялась за него,

переживала, когда он дежурил, даже плакала. Но гордилась и любила. Как он пропустил момент, когда из ее надежной защиты и опоры для нее превратился в чемодан без ручки, который и нести тяжело, и выбросить жалко.

Точнее, Вера выбросила его из своей жизни сразу же, как только ее любовник сделал ей предложение. К тридцати годам она сохранила легкую девичью фигуру, черты ее лица стали тяжелее и прекраснее. Если в юности она была хорошенькой, то сейчас оформилась в красавицу, вслед которой хотелось оборачиваться на улице. Ее красота, как драгоценный бриллиант, требовала огранки и соответствующей оправы. Того самого Луи Виттона и прочих Картье с Диорами, которые мент Лавров обеспечить никак не мог, да и не пытался.

Перед разводом Вера все твердила ему, что у него нет внутреннего стержня, что он размазня, которая никогда не состоится, и что ей не хочется всю жизнь тащить за собой ненужный груз в виде лавровской никчемности.

Она считала его ничтожеством, и он повел себя как ничтожество. Не пытался бороться, уговаривать Веру остаться, бить морду ее хахалю. Он вообще ничего не пытался делать, просто пил каждый день, стараясь заглушить водкой ту бескрайнюю тоску, которая поселилась у него внутри, на месте той ямы, в которой до этого, видимо, обитала душа. Он пил каждый раз, когда вспоминал, что Веры у него больше нет. В день выходило бутылки две.

С работы его уволили довольно быстро, месяца через три вроде. Точно он не помнил. Дни тогда вообще слились в какую-то сплошную серую массу, в которой он пил, ел, спал, мычал от боли и думал, что Веры больше нет. Из той пропасти, на дно которой он так стремительно катился, его вытащила мама. Что и говорить, мама у него всегда была женщиной решительной. Из однокомнатной квартирki, где все дышало памятью о Вере и которая всего за полгода пропиталась омерзительным духом запустения, присущим всем квартирам алкоголиков, он переехал жить к маме за город.

У Лаврова вообще были уникальные родители. Его отец много лет проработал на кафедре ботаники. Профессор, разбиравшийся в тычинках и пестиках, все свободное время он проводил на охоте и умер от обширного инфаркта, настигшего его в лесу. А мама, окончившая когда-то факультет прикладной математики, всю жизнь проработала специалистом по вычислительным машинам, а оставшись вдовой в пятьдесят пять лет, скоропостижно вышла на пенсию и открыла собственную фирму по организации и проведению

праздников.

Было это десять лет назад. Лавров тогда был уверен, что из материной затеи ничего не выйдет, но фирма набирала обороты: заказы прибывали, от свадеб и юбилеев мать быстро перешла на уровень корпоративов для крупных и очень крупных фирм. Мамуля продала городскую квартиру, купила коттедж в престижном поселке в двадцати километрах от города, переоборудовала там все по своему вкусу, развела множество цветов, которые по ее хитроумному замыслу цвели с апреля по октябрь, сменяясь одни другими (не зря же она тридцать лет прожила с дипломированным ботаником), сдала на права и теперь лихо водила «Тойоту Рав 4», косясь между поселком и городом. Мамой Лавров восхищался и стыдился того, что он у нее такой безуспешный. Старшим сыном – умницей и банкиром – мама по праву могла гордиться, а вот младший, мало того что дорос лишь до звания капитана, так еще оказался слабаком и неудачником.

Спиться мама ему не дала. Из глубокой депрессии вытащила. Вот только возвращаться на службу и каждый день видеть коллег, на глазах которых он так стремительно превратился в кисель только от того, что его бросила жена, ему не хотелось. Деньги ему были не нужны. Веру теперь содержал ее альфа-самец, сам Лавров жил у мамы на полном обеспечении, одних джинсов и свитера, купленных в секонд-хенде, ему вполне хватало на сезон, и работать нужно было лишь для того, чтобы хоть чем-то себя занять.

Лавров и занял, устроившись охранником в том же коттеджном поселке, в котором жила мама. На въезде стоял отдельный домик для охраны, на пульт которого были выведены сигнализации в домах. Дежурили тут попарно, сутки через двое, а Лавров, который жил здесь же, охотно подменял своих коллег и отпускал напарников, спешивших освободиться пораньше. Ему было все равно, где сидеть – дома или в будке для охраны, и свободное время ему было совершенно ни к чему.

Последний год он так и жил – не прикасаясь к бутылке, ходя на работу через две улицы от маминого дома, читая книжки или валяясь перед телевизором тогда, когда был выходной. Пустая жизнь никчемного человека. Что ж, таких много. Не всем же бизнесы строить. В маминых глазах Лавров ловил жалость, но старался об этом не думать. В конце концов, матери всегда жалеют своих детей. Даже если те олигархи.

Лавров если и не привык, то как-то притерпелся к мысли, что Веры больше нет. Думать про это ему стало неинтересно. Но, проснувшись будто от внезапного удара, он понял, что думать все равно придется. Теперь Веры не было вообще. Физически не было. Два дня назад Веру убили. Задушили шелковым шарфом Луи Виттон, и если бы Лавров мог, то по достоинству оценил бы эту насмешку судьбы.

Но Лавров ничего смешного в случившемся не видел. С некоторым изумлением он понял, что считается чуть ли не подозреваемым номер один. Ни у кого, кроме него, не было мотива убивать Веру. Выйдя замуж во второй раз, она первым делом бросила работу. Так что коллег, способных замыслить недоброе, у нее не было. Со вторым мужем она не ссорилась. Подруги, с трудом пережившие ее головокружительное счастье и богатство, все как одна, имели алиби.

Впрочем, у самого Лаврова алиби тоже было. В тот день, когда убили Веру, он как раз дежурил и весь день просидел в своей будке. Вот только теоретический шанс ненадолго отлучиться со своего поста и смотаться в город у него имелся. Дежурил в этот день Лавров один, отпустив напарника, у которого родила жена. Шлагбаум жильцы поселка поднимали и опускали сами, редко прибегая к помощи, и в тот день никто не заходил к нему, чтобы перекинуться парой слов. Большинство жителей поселка считали ниже своего достоинства разговаривать с каким-то там охранником.

Мама в день убийства рано утром уехала в город и вернулась чуть ли не в десять вечера. Ее эвент-агентство выступало организатором общегородского конкурса толстушек, поэтому занята она была под завязку. В общем, Лавров в глазах оперов и следователя выглядел крайне подозрительно, поскольку новый муж Веры, ее подруги, те самые, у которых было алиби, а также бывшие коллеги самого Лаврова в один голос твердили, как убивался он после развода, как пил по-черному и как мрачнел и зверел на глазах, когда речь заходила о Вере. Он сам точно знал, что ее не убивал и даже не собирался, но в глазах всех остальных читалось сомнение. Безоговорочно ему верила только мама.

Для того чтобы обезопасить себя, нужно было найти убийцу Веры. Это было совершенно понятно в теории и совершенно невыполнимо на практике. Когда-то, в прошлой жизни, Лавров считался неплохим опером, но сейчас с горечью понимал, что все его навыки безвозвратно утеряны. Дело Веры он, конечно, раздобыл на десять минут и почитал. Коллега Ванька Бунин, с которым Лавров в прошлом приятельствовал, пошел на должностное преступление и дал

посмотреть материалы. Вот только ничего, проливающего свет на случившееся, Лавров там не нашел.

Тело Веры нашли в ее собственной машине – роскошном белом «Лексусе», который муж подарил ей на свадьбу. Новый муж, понятное дело, не Лавров. Видимо, убийца пробрался на заднее сиденье, и когда Вера вышла из салона красоты и села за руль, он затянул на ее шею шелковый шарф. Тонированные окна позволили ему не бояться быть увиденным с улицы. Но что бы он делал, если бы на Вере в тот день не оказалось шарфа, припас ли он другое орудие преступления, и что произошло, если бы Вера успела открыть дверь машины и позвать на помощь, было покрыто мраком тайны. Конечно, со своими многочисленными шарфами Вера не расставалась практически никогда, поскольку они были главной составляющей ее образа, но, готовя убийство, рассчитывать на это, с точки зрения Лаврова, было полной глупостью.

Никто не видел, как убийца залезал в «Лексус» и как он его покинул. Опрос посетителей и сотрудников салона красоты ничего не дал. Располагался салон в новом жилом доме, все жильцы днем были на работе. Вход находился с задней стороны здания, а подъезды располагались на противоположной. Крылечко выходило в глухой дворик, в котором жильцы не любили оставлять свои машины, поскольку им, чтобы попасть домой, нужно было обходить здание. Соседняя новостройка, выходящая окнами и подъездами прямо на стоянку перед салоном красоты, была еще не сдана, поэтому кроме рабочих, занимающихся внутренней отделкой, там никого не было.

Больше всего Лаврову не понравилось, что на груди у мертвой Веры нашли цветок. Маленький неказистый белый цветок, похожий на ромашку, но только с пятью белыми лепестками вокруг желтой мохнатой сердцевинки. Дома у Веры таких цветов не было, в салоне красоты о нем ничего не знали, поэтому, скорее всего, цветок принес с собой убийца. Принес и положил Вере на грудь. От этого веяло какой-то жутью, и у Лаврова свербило, кололось и чесалось то место в груди, в котором в пору его полицейского прошлого обычно сворачивалась клубочком интуиция.

Воровато оглядываясь на Бунина, который равнодушно сидел за соседним столом и делал вид, что совершенно не интересуется лавровскими действиями, он снял фотографию с цветком на телефон, чтобы вечером показать маме. Мама, зная все цветы без исключения хоть в профиль, хоть анфас, сообщила Лаврову, что это цветок лайма.

– Чего? – глупо спросил Лавров. – Это который лимон, что ли?

– Лайм не лимон, – недовольно сказала мама, – ну что ты, Сережа, глупости говоришь.

– А зачем Вере подложили цветок лайма? – спросил Лавров. – Это же не хризантема, не роза, не гвоздика с тюльпаном.

– Сыночек, я не знаю. – Мама пожала плечами и вдруг ласково погладила его по голове. – Но это обязательно выяснится, я думаю. Ты бы не терзал себя по новой. Ничего уже не изменишь. Ты и так давно ее потерял.

Да, в том, что Веры больше нет, не было ничего нового. Вот только теперь ее не было совсем, навсегда, и жалко эту дурынду Лаврову было до комка в горле. Несмотря на то что она ему изменила, а потом и бросила, он знал, что Вера, в сущности, неплохой человек, у которого просто оказалось своеобразное представление о счастье. За это же не убивают.

Помимо непонятно откуда взявшегося цветка лайма, в деле Веры была еще одна странность. В ее левом ухе отсутствовала сережка. Правое ухо, нежное, розовое, как его помнил Лавров, но мертвенно бледное на фотографии в уголовном деле, украшал крупный гвоздик – голубой топаз, окруженный россыпью мелких бриллиантов. А в левом ухе сережки не было.

Конечно, Вера могла потерять сережку раньше, но ее косметолог утверждала, что в ходе процедуры любовалась изящными и стильными сережками, и их точно было две. Ни в машине, ни во дворе второй сережки так и не нашли, а значит, с определенной долей вероятности можно было решить, что убийца зачем-то забрал сережку с собой. И от этого факта зуд в грудной клетке Лаврова стал совсем непереносимым.

– Вань, ты хоть что-нибудь понимаешь? – спросил он у Бунина, возвращая ему дело.

– Только то, Серега, что от этого тухлого дела мы еще наплачемся, – серьезно ответил тот. – Вот нутром чую, что сюрпризов будет еще немало.

– Ты-то хоть веришь, что это не я? – Лавров задал вопрос, который казался ему очень важным.

– Я-то верю, – Бунин вздохнул. – Я хорошо тебя знаю, Серега. И сейчас за тобой, уж ты извини, наблюдал. Это не ты. Но нам придется серьезно попотеть, чтобы это доказать.

– А может, это случайность, что убили именно ее? – спросил Лавров. – Ну, вдруг это маньяк, которому все равно, кого выбрать жертвой. Место безлюдное. Дождлся первую попавшуюся дамочку на дорогой машине, пока она красоту наводила, пролез в салон, а потом задушил, цветочек на грудь пристроил и сережку из уха вытащил. Похоже?

– Типун тебе на язык, – в сердцах сказал Бунин. – Ты что, Серега, с ума сошел? Только маньяка нам не хватало. Нет уж. Я уж лучше предпочту, чтобы это ты удавил свою бывшую жену в порыве ревности. Так всем спокойнее.

– Вот спасибо, друг, – мрачно заметил Лавров. – Вот в чем ты точно прав, что я больше, чем кто бы то ни было, заинтересован в том, чтобы найти настоящего убийцу.

Впрочем, до того, как ловить неведомого преступника, Лаврову нужно было срочно решить другой, не менее важный вопрос. А именно, что делать со Степкой. Два года назад Вера, уходя, забрала шестилетнего сына с собой, а Лавров, ошарашенный ее предательством, даже и не попробовал отстоять хотя бы его.

Отчим относился к мальчику хорошо, и сын ни в чем не нуждался, хотя и отчаянно скучал по отцу. Лавров пару раз приходил на воскресные свидания, но так как он был нетрезв, то Степка расстраивался, отворачивался и даже плакал, стесняясь куда-то идти с пьяным отцом. Постепенно эти тягостные встречи сошли на нет. Уже бросив пить, Лавров иногда приходил к школе, чтобы хотя бы издали посмотреть на сына, но на глаза ему не показывался. Стеснялся своей минувшей слабости. Теперь, после смерти Веры, Степку следовало забрать к себе, к маме. Не дело это оставлять парня с отчимом при живом отце и бабушке, да и не факт, что этот отчим вообще захочет нести ответственность за чужого ребенка.

– Степу я в выходные перевожу к нам, – сказала мама, когда Лавров поделился с ней своими мыслями. – Мы уже все обговорили с Владимиром. – Так звали нового мужа Веры.

– Когда успела? – изумился Лавров.

– Сережа, иногда ты меня поражаешь. – Мама сдвинула очки на кончик носа и посмотрела на Лаврова ласково и сердито одновременно. Так умела смотреть только она. – Как только я узнала о смерти Верочки, так сразу же позвонила Степе. Он мой внук, если ты помнишь.

– Как позвонила? – Лавров понимал, что покрывает все рекорды собственной тупости, но не мог остановиться. – Ты с ним общаешься, что ли?

– Конечно, я с ним общаюсь. Я же его бабушка. Мы с ним после школы ходим в кафе. Иногда в выходные я его вожу в кино, а на каникулах мы даже ездили в Малиновку кататься на лыжах.

Про то, что мама ездила в Малиновку, горнолыжную базу под Архангельском, Лавров помнил точно, а вот то, что мама брала с собой Степу, для него было новостью.

– Мама, как получилось, что я из нормального, совершенно обычного мужика превратился в чудовище? – медленно спросил он. – Я два года не общался с собственным сыном. Я даже не знал, что ты регулярно видишься с ним, принимаешь участие в его жизни, из которой я сам себя вычеркнул. И ведь не Веру надо в этом винить. Она никогда не запрещала нам общаться. Просто делала все, чтобы я ощущал себя ничтожеством, но мои внутренние комплексы ведь моя проблема, а не Степкина. Как так вышло, мам?

– Я все ждала, когда ты вернешься к жизни настолько, чтобы задаться этим вопросом, – сказала мама и легонько вздохнула. – Сережка-Сережка, как жаль, что для того, чтобы ты очнулся, понадобился такой страшный толчок. Я была зла на Веру за то, что она так поступила с тобой, но я никогда не желала ей смерти, тем более такой страшной. Она обменяла любовь на деньги. Но в том, что ты так легко позволил растоптать твою жизнь в прах, она не виновата. В этом никто не виноват, кроме тебя, сын. И сейчас, когда Веры больше нет, а Степка будет жить с тобой, самое время задуматься о том, что пора уже восстать из пепла.

– Как птица Феникс, – горько пошутил Лавров, в голову которого опять болезненно ударили три коротких, страшных слова: Веры больше нет.

* * *

Что делает нормальная женщина ранним субботним утром после напряженной рабочей недели? Конечно, высыпается. Пять дней Лиля мечтала о том, как проснется в субботу в положенные шесть часов утра, вспомнит, что сегодня можно никуда не торопиться, перевернет подушку прохладной стороной, сладко зароется в нее носом и снова уснет, часиков до девяти-десяти, когда Гришка, которому наскучит играть одному, залезет к ней в постель, прижмется во весь рост к ней, теплой и сонной, подсунет свою вихрастую макушку под ее губы, и она обнимет его крепенькое тельце, такое родное и любимое.

Гришка у нее был именно крепенький, как гриб боровичок. Телосложением он пошел не в худощавую Лилю, которая ела все подряд и совершенно не поправлялась, а в отца – довольно известного в городе адвоката Аркадия Ветлицкого, приземистого, с широкими плечами борца, плотно сбитого, основательно и крепко стоящего на земле, в отличие от витающей в облаках Лили.

Они поженились на третьем курсе института. Два молодых юриста, мечтающих побороться за торжество справедливости. Аркашка с первых дней учебы взял шефство над хрупкой Лилей, да так и не подпустил к ней больше никого. Гришка родился через два месяца после получения диплома. Год Лиля сидела с ним дома, а Аркашка устроился в адвокатскую контору, сначала мальчиком на побегушках, разумеется. Через год Лилю с ее красным дипломом взяли на работу в прокуратуру. С Гришкой ей очень помогала мама.

Сама она окунулась в круговерть уголовных дел, которые сначала пугали, ужасали, заставляли просыпаться в слезах. Худенькое тельце Лили сотрясала крупная дрожь, Аркашка раздражался и орал, что с такой впечатлительностью ей нужно идти в нотариусы. Но Лиля не хотела в нотариусы, потому что верила в торжество справедливости.

Аркадий же очень быстро превратился в адвоката, специализирующегося на бандитах. Они платили больше, чем измученные, попавшие в неприятности

простые люди. Он брался только за дела «братков» и прочих криминальных авторитетов, зарабатывал имя, карьерный рост и деньги. Его передавали друг другу как эстафетную палочку. И он страшно гордился своими успехами.

Лиля же была уверена, что так нельзя. Она считала неправильным расхожее выражение «деньги не пахнут». С ее точки зрения, от Аркадия с каждым годом все сильнее исходил специфический аромат того дерьма, в которое он погружался изо дня в день. Иногда Лиля просыпалась ночью и ощущала этот запах, который душил ее, вызывая рвотные спазмы. Муж же считал, что она бесится с жиру, и злился, что жена недостаточно высоко оценивает его усилия по содержанию семьи.

Развелись они как-то легко. Развод стал не трагедией, а избавлением. К тому моменту они уже так друг друга раздражали, что с трудом находились в одном помещении. Гришка был слишком мал, чтобы понять, что происходит. Кроме того, и отец, и мать работали практически круглосуточно, и его уютный маленький мирок составляла бабушка, которая в разводе задействована не была. В общем, ребенок не страдал, сама Лиля не расстраивалась, что семейная лодка разбилась о быт, потому что расстраиваться ей было некогда, алименты со своих бандитских доходов Ветлицкий платил исправно, и Лиля, немного поразмыслив, их принимала. На себя она из денег бывшего мужа не тратила ни копейки, ребенок из-за ее принципов страдать не должен.

Почему, проснувшись в шесть утра, Лиля первым делом подумала про Аркадия, она и сама не знала. Сначала промелькнула мысль о нем, вернее, о том, что Гришка не видел отца с новогодних каникул. В том мире, в котором жил Ветлицкий, деньги заменяли все, поэтому, щедро выдавая купюры на содержание сына, он искренне полагал, что на этом его родительские обязанности исчерпываются. Виделись они с Гришкой редко и как-то без взаимной охоты. С одной стороны, Лиле это полностью устраивало, потому что исключало негативное влияние на мальчика, а с другой – было в этом что-то неправильное.

С неправильности устройства жизни ее мысли перекинулись на неправильность сегодняшнего дня. Неделю назад Лиля сдуру дала обещание своей школьной подружке Машке Соколовой, что придет на организованное ею шоу толстушек. Она искренне думала, что за неделю сумеет отказаться от данного впопыхах обещания, или Машка, закрутившись в суматохе подготовки к мероприятию, о нем забудет. Но не тут-то было.

Машка позвонила накануне вечером возбужденная и радостная, напомнила, что Лиля обещала прийти, не захотела слушать никаких отговорок и заявила, что будет ждать на входе без пятнадцати десять.

Утренний субботний сон, таким образом, отменялся. Немного подумав и кляня себя за сгоряча данное Машке обещание, Лиля решила совместить приятное с полезным, вместе с Гришкой забрать из интерната Матвея, на часик сходить с обоими мальчишками на дурацкое шоу, которым Машка так гордилась, затем свозить их в городской парк на аттракционы, после съездить к маме на обед, на обратном пути побывать в кафе-мороженом, затем сходить в кино и вечером вернуть Матвея обратно в интернат. День обещал быть напряженным и богатым на события.

Матвей обрадовался так сильно, что у Лили даже защемило в груди. Гришки он немного стеснялся, хоть и держался независимо. Гришка же нового приятеля принял как должное.

– Привет, меня Гриша зовут, – сказал он, протягивая Матвею свою пухлую ладошку. Тот покосился на Лилю и пожал ладонь своей тонкой ручкой, больше похожей на прутик.

Несмотря на то что Матвей был на два года старше Гришки, выглядел он гораздо беззащитнее – высокий, худенький, гибкий, как виноградная лоза. Жирафенок рядом с детенышем мишки-коалы. Лиля еще раз подивилась в душе их внешнему несхождению и одинаковой глубинной внутренней сущности, убедилась, что мальчишки быстро нашли общий язык. На заднем сиденье машины Гришка стал показывать своему новому другу какую-то игру, закачанную в телефон, а Матвей, у которого никакого телефона не было и быть не могло, с интересом слушал его эмоциональный рассказ.

– Мальчишки, мне нужно в одно место, – сказала Лиля, заводя мотор. – Вы не против, если мы на часик заедем в выставочный центр, а уже потом поедem на аттракционы?

– Мне все равно, я куда вы, туда и согласен, – заявил Матвей.

– А ты туда по работе? – уточнил Гришка. К маминой службе он относился с почтением.

– Нет, тетя Маша конкурс проводит. Для нее это очень важное мероприятие, она впервые отвечает за событие такого масштаба, и ей очень важно, чтобы я на нем побывала, – призналась она.

– Тогда поехали, раз важно. Тетя Маша – мамина подруга, – пояснил он Матвею. – Она хорошая, всегда мне шоколадные яйца дарит. Тебе тоже подарит, наверное, – уточнил он. – А какой она конкурс проводит, мам?

– Конкурс красоты для толстушек, – нехотя призналась Лиля. Произнесенные вслух слова казались очень глупыми. Она вообще считала эту затею идиотской, о чем сразу и сказала Машке, но подруга с ней не согласилась.

– Лилька, это у тебя такая фигура, что тебе о комплексах можно даже не задумываться, – заявила она. – А большинство женщин с лишним весом мучаются чуть ли не со школы. Изводят себя диетами, страдают от того, что считают себя некрасивыми. А лишний вес он красоте не помеха. И наш конкурс должен всему городу это доказать. Полная женщина может быть стильной, раскрепощенной и счастливой.

Из Машкиного вчерашнего рассказа Лиля узнала, что в пятницу в выставочном центре проходил отборочный тур. А на субботу был назначен уже финал, который задумывался в формате шоу с большим числом зрителей.

– Знаешь, какие все конкурсантки были счастливые? Даже те, кто в финал не попал, – тархтела Машка. – К нам телевидение приезжало, так журналист даже удивился. Он до этого разделял стереотип, что модельная внешность может быть только у худых, а вчера сказал, что даже и не думал, что в толстушках столько скрытой сексуальности. В общем, Лилька, приходи, не пожалеешь. Такое масштабное действо будет, закачаешься. А главное – цветов море. У нас в партнерах «Мир цветов», обещают все украсить так, чтобы город ахнул.

Зал центрального выставочного центра действительно утопал в цветах. Аж в глазах рябило. Причем здесь были не только традиционные розы, тюльпаны и гвоздики, но и нежные ирисы, сказочные анемоны, трогательные подснежники. Все это великолепие испускало нежный волшебный аромат, создающий какое-то

особенное настроение. Композиции выглядели удивительно органично. Ни капли пошлости или излишней вычурности. Составлял их мастер с прекрасным вкусом и чувством стиля, что Лиля успела отметить, пробравшись к Машке за кулисы. Детей она взяла с собой, решив, что в зале им, пожалуй, будет скучно.

– Еще бы, – присвистнула Машка, когда Лиля поделилась с ней своей высокой оценкой цветочного убранства зала. – Дмитрий Валентинович – огромный молодец, и флористы у него самые лучшие, это всему городу известно.

– А кто такой Дмитрий Валентинович? – уточнила Лилия.

– Ковалев, владелец «Мира цветов». Он как его основал двадцать лет назад, так бесменно и возглавляет. Ты что, не знаешь?

С цветочным бизнесом Лиле пересекаться не приходилось, хотя про Ковалева она, несомненно, слышала.

– Откуда мне его знать, – пожала она плечами. – В моей работе путь цветами не выслан, сама знаешь.

– Да вон он, лично почтил своим присутствием. Видимо, из уважения к нашей Лавре. Пойдем познакомлю.

Лаврой все сотрудники эвент-агентства, в котором работала Машка, называли свою начальницу, владелицу агентства Валерию Сергеевну Лаврову. Дама эта, будучи уже в глубоком пенсионном возрасте, нрав имела веселый, характер отходчивый и носила на голове копну непослушных кудряшек, которые ей удивительно шли, делая стильной до невозможности.

Сотрудники Валерию Сергеевну обожали, уважали и ничуть не боялись. В любой ситуации она всегда была в первых рядах, работала наравне с сотрудниками, премии и тумачи раздавала по справедливости, к делу подходила творчески, слыла перфекционисткой, все делающей по первому разряду и требующей того же от подчиненных. Заказы у их агентства не переводились даже в нынешние тяжелые кризисные времена, за что все работники и вовсе были готовы на Лавру молиться.

– Да не надо меня ни с кем знакомить, – взмолилась Лиля, но Машка, которой, видимо, не терпелось сбить подругу с рук, чтобы заняться работой, уже тащила к ней за рукав представительного, не очень молодого господина, дорого одетого в стиле кэжуал, с модной стрижкой на седых, соль с перцем, волосах.

– Вот, Дмитрий Валентинович, хочу вам представить мою лучшую подругу. Ее зовут Лилия, и несмотря на свой скромный вид, она довольно большой начальник.

– Маша, перестань. – Лилия попыталась одернуть болтливую подружку, но Машку не так-то просто было остановить.

– Она помощник руководителя следственного управления.

На долю секунды Лиле показалось, что седовласый господин напрягся, но тут же черты лица его расслабились, и он слегка склонился в приветственном поклоне.

– Лилька, поговори с Дмитрием Валентиновичем, он знает о цветах все. Это так увлекательно. А я побежала, мне еще финалисток проверить надо. Через пять минут начинаем.

– Вот трещотка. – Лилия покачала головой и с улыбкой посмотрела на своего нового знакомого. – Не буду навязывать вам свое общество. Только, воспользовавшись случаем, замечу, что цветочное убранство зала просто великолепно. Ничего не понимаю в цветах, но это очень красиво.

– Я передам своей супруге. – Ковалев снова склонил голову. Лилия мимоходом подумала, что манеры его безупречны. – Она – главный флорист нашей фирмы, и сегодняшнее оформление – целиком и полностью ее заслуга.

– Почему же тогда здесь вы, а не она?

– Моя жена очень закрытый человек. Она скромна и абсолютно непублична. А в бизнесе так нельзя. Поэтому все представительские функции, такие как бухгалтерия, закупки, ведение бизнеса, в целом лежат на мне. А она – идейный вдохновитель, душа «Мира цветов».

– Вы чертовски красиво об этом говорите. Так трудно в наши дни встретить мужчину-романтика.

– Ну что вы, – Ковалев засмеялся. – Я совершенно неромантичен. Просто цветы накладывают определенный отпечаток и на стиль жизни, и на образ мышления.

Общих тем для разговора у них не было, но Ковалев почему-то не отходил от Лили.

– Маша сказала, что вы хорошо знаете ее начальницу? – спросила та, чтобы не молчать.

– Валерию Сергеевну? Да, мы знакомы много лет. Когда моя жена только задумала заниматься цветами, мы много консультировались у мужа Лавровой. Он, знаете ли, всю жизнь проработал на кафедре ботаники и про цветы знал все. А Валерия Сергеевна полностью разделяла его интересы. У нее за городом прекрасный ландшафтный дизайн, один из лучших в городе. Она придумала, какие растения нужно высадить, чтобы они цвели полгода, моя жена помогла ей оформить клумбы, чтобы они выглядели не тривиально, а я заказал все растения по списку. Мы их привозили из питомников со всей страны и из-за рубежа, конечно, тоже. Получилось удивительно. Хотите, мы вам тоже что-нибудь придумаем?

– Ну, во-первых, у меня нет загородного дома, – сказала Лилия. – А во-вторых, я совершенно равнодушна к цветам. Даже в юности не любила, когда мне дарили букеты. Мне всегда так жалко, когда цветы срезают. В букете они стоят пару дней и умирают. Наверное, поэтому я их и не люблю. Не могу смотреть на их медленное угасание.

– Глупости это, – неожиданно резко ответил Ковалев. – Когда цветы срезают, корни получают новый толчок для роста. Это как женщине при стрижке отрезают волосы, несущие отрицательный заряд, память о всех приключившихся неприятностях, и она выходит на улицу с новой, легкой прической. Вот и у цветов так же. Новые побеги вырастут, а срезанные старые будут кого-то радовать, пока, как вы изволили выразиться, медленно не угаснут. Это ли не прекрасная судьба – нести радость людям до самой своей смерти.

– Вы извините, я тут с детьми, а они куда-то подевались. – Лиля повертела головой и обнаружила Гришу и Матвея, увлеченно беседующих еще с каким-то мальчиком у самого выхода на сцену. – А, вон они. Пойду проконтролирую, чтобы на сцену не выскочили, а то с них станется.

– Был рад знакомству. – Ковалев снова склонил голову в церемонном поклоне и наконец-то от Лили отстал. Она вздохнула с некоторым облегчением, потому что не терпела пустых разговоров.

Отделавшись от владельца «Мира цветов» и кляня Машку на чем свет стоит, она поспешила к детям.

– Ну что, вам очень скучно или еще минут двадцать выдержите? – спросила она, краем глаза наблюдая, как нарядные толстушки-конкурсантки гуськом выходят на сцену.

– Потерпим. – Матвей поднял на нее серьезные, почти взрослые глаза. Гришка согласно помотал головой, видимо, увлеченный разговором с третьим мальчиком, а тот машинально посмотрел на Лилю, и она вдруг поняла, что хорошо его знает.

– Степа... ты же Степа Лавров, верно? – воскликнула она. Мальчик затравленно кивнул. Выглядел он плохо – бледненький и глаза заплаканные. Лиля оглянулась в поисках Степиной мамы.

Вместе с Верой Лавровой она когда-то лежала в одной палате роддома и неожиданно сдружилась. Их мальчишки – Гриша и Степа родились с разницей в один день. Жили молодые женщины недалеко друг от друга, поэтому в первый год вместе ходили гулять с колясками. Потом Гришке исполнился год, Лиля вышла на работу и со своей приятельницей встречалась лишь изредка. Иногда они выбирались в парк аттракционов вместе с мальчишками. Затем Лиля развелась и переехала в другой район города, и теперь их общение с Верой сводилось лишь к редким телефонным разговорам да поздравлениям мальчишек с днем рождения.

В последний раз они виделись года два назад, случайно встретились в торговом центре. Вера выглядела нервной и дерганой, видно было, что у нее какие-то неприятности. Какие, она не сказала, а сама Лиля в душу ни к кому не лезла.

Несмотря на то что за прошедшие два года Степка вырос, узнать его все-таки было возможно.

– Степа, я тетя Лиля, а это Гришка, – сказала она, желая растормошить мальчика, который выглядел не просто грустным, а еще и вялым. Болеет, что ли.

– Помню, – безучастно сказал он.

– А мама где? Ты с мамой сюда пришел? – спросила Лиля. Непонятное чувство тревоги вползало куда-то под ребра, заставляя сердце биться чаще.

– А мамы нет. Мама умерла. – Губы Степы набухли, глаза налились слезами, и он отчаянно заплакал, так, как плачут от большого горя взрослые – беззвучно и горько.

– Как умерла? Когда? – Голос Лили съехал до шепота. Она присела на корточки и прижала рыдающего мальчика к себе. – А с кем ты тогда сюда пришел?

– С папой. И с бабушкой. – Степа уткнулся ей в плечо и зарыдал еще горше.

– Степка, ты чего тут? – Откуда ни возьмись, рядом с Лилей присел здоровенный, давно не стриженный мужик в джинсах. – Ты знаешь эту тетю?

– Вас, кажется, Сергей зовут. – Лиля смутно припоминала мужа Веры Лавровой, которого видела один или два раза. Вроде бы он тогда, когда они гуляли с колясками, работал в милиции. Хотя в последнее время она его не встречала. – Я – приятельница вашей жены. Хотя вы, наверное, меня не помните. Скажите мне, что случилось? Давно Вера умерла?

– Три дня назад. – Голос мужчины звучал глухо и отрывисто. – И она не умерла, ее убили.

– Как убили? – Лиля разом охрипла. – Этого не может быть. Я не видела в сводках имени Веры Лавровой. Я бы обязательно обратила внимание.

– Она не Лаврова, а Пушникова. Мы развелись два года назад. Степка, иди ко мне. Успокойся, сынок. Не плачь. – Он говорил, да и вообще выглядел как-то

растерянно. Степка отклеился от Лилиного плеча и теперь рыдал еще горше, уткнувшись в широкую отцовскую грудь.

Потерпевшая по фамилии Пушникова в сводках была. Это Лиля помнила. У нее вообще была отличная память на факты и события. Вера Пушникова была найдена со следами удушения в своей машине у салона красоты. И было это действительно три дня назад. На ее груди был найден какой-то цветок, а в левом ухе отсутствовала сережка. Лилия помнила, что сочетание этих двух обстоятельств ей категорически не понравилось. Вот только ей и в голову не могло прийти, что жертвой неизвестного пока убийцы стала Вера Лаврова.

– Развелись, а я не в курсе, – тихо сказала она. – Вы извините, Сергей. Я не хотела расстраивать Степу. Я просто не знала.

– Да ничего. Он почти все время плачет, не отошел еще, – хмуро сказал муж Веры, оказывается, перешедший в разряд бывших. – Он только вчера вечером ко мне переехал. Мы еще друг к другу не притерлись. Вот и приехали сюда, к бабушке поближе. С ней ему как-то легче.

– Бабушке?

– Валерия Сергеевна Лаврова – организатор этого балагана – моя мама. Она не могла сюда не приехать, они к этому конкурсу дурацкому чуть ли не три месяца готовились. Так что пришлось нам со Степкой ее сопровождать. Чтобы дома не оставаться одним.

Мужчина говорил очень откровенно. Заплаканный мальчик рядом с ним потихоньку переставал всхлипывать. Лилия заметила, что Гришка смотрит на него с легким ужасом, видимо, в душе примеривая на себя потерю мамы, и утешающе взяла сына за руку. Не бойся, мол, я здесь, с тобой. Матвей же смотрел на нового знакомого с сочувствием, но без страха.

– У меня тоже мама умерла, – заявил он. – Три года назад. Тебе повезло, что у тебя папка есть и бабушка. А у меня никого не было, тетка только. Но она меня взять не захотела, так что меня в детдом сдали, в интернат то есть. Ну и ничего, живу. Так что ты не реви и папку с бабушкой береги.

От этих слов Лиля даже вздрогнула, а Степка посмотрел на Матвея внимательно-внимательно.

– Я буду беречь, – тихо сказал он, прижался к отцу и снова заплакал.

Глава третья. Аромат тигровой лилии

Характер – важнейшее слагаемое красоты.

Софи Лорен

Все происходящее бесило Лаврова невероятно. Если бы не страх остаться со Степкой дома наедине, он бы ни за что не приперся на этот дурацкий конкурс. Господи, да кому только в голову пришло проводить конкурс красоты среди толстухек? И зачем мама только взялась за это мероприятие? Хотя ее он очень даже понимал, в пору финансового кризиса каждый заказ в радость, тем более такой крупный. А у мамы за спиной не только коллектив, который нужно обеспечивать зарплатой, но и толком не зарабатывающий великовозрастный сын-балбес, а теперь еще и внук. В такой ситуации за любую работу возьмешься. Деньги, как известно, не пахнут.

Впрочем, с этим Лавров был не согласен категорически. В этом и крылся главный камень преткновения в его разладе с Верой. Он не желал зарабатывать деньги, к которым так стремилась ее душа, любым способом. Соглашался только на честные. А честность и деньги – понятия мало совместимые.

Сейчас придется все-таки что-то решить. Сидеть в охранной будке, отгородившись от всего света, конечно, хорошо, но, когда у тебя на руках сын, мало реально. Не на маму же рассчитывать, в самом-то деле. Мужик он, в конце концов, или не мужик.

Подойдя к этому вопросу, Лавров тяжело вздохнул. В последние годы причин уважать себя у него было немного. И эту ситуацию тоже нужно было срочно поменять. Когда ты сам себя не уважаешь, это одно, а вот уважение сына – это принципиально. Ради этого можно и попотеть.

Подумав о Степке, Лавров начал искать его глазами. Мальчик уже успокоился и теперь увлеченно показывал новым друзьям купленного ему робота «лего», купленного бабушкой, разумеется. Лавров снова вздохнул. Не плачет, уже хорошо.

Переход от слез к улыбке у сына был мгновенным. Сейчас он был увлечен игрушкой и общением с двумя другими мальчиками, но в любой момент мог вспомнить мать и снова заплакать. Лавров даже не думал, что это будет так трудно – заново привыкать к сыну. Но одно он знал твердо – больше никто и никогда не разлучит их.

Отвернувшись, он бросил взгляд на дальний угол, где мать что-то объясняла какому-то всклокоченному мужику. Кажется, это был режиссер того идиотского действия, которое разворачивалось на сцене. Мероприятие шло своим чередом. Завершился конкурс приветствий, и теперь конкурсантки по очереди показывали домашнее задание – что-то типа танцевального номера. На сцене танго сменялось ча-ча-ча, а затем вальсом.

Смотреть на танцующих провинциальных толстушек было скучно. Степка был занят, и поэтому Лавров стал наблюдать за скандалом, разгоравшимся в правой кулисе, недалеко от того места, где он стоял.

Одна из финалисток, с номером шесть на запястье, еще тяжело дыша от только что исполненной зажигательной румбы, нависла над журналистом местного телеканала, высоким, худым пареньком с большими ушами.

– Я у вас вчера же интервью брал, – с отчаянием в голосе говорил он. – Вас же по телевизору в новостях показали. Что вы еще хотите?

– Конечно, показали. Десять секунд всего. Я тебе вон как долго все рассказывала. А что в эфир пошло?

– И не десять секунд вовсе, а двадцать. Это максимально длинный синхрон, который можно ставить в сюжет. Вы ж не Президент, чтобы вас дольше показывать.

– Вот и сегодня возьми у меня интервью, – наседала пышная девица лет двадцати пяти.

Выглядела она впечатляюще – перетянутая широким поясом талия, мощные бедра и выдающаяся грудь. Лавров, которому всегда нравились изящные женщины, искренне не понимал, что красивого может быть в такой фигуре.

– Я ж тебе говорю, я своей внешностью горжусь и худеть не собираюсь. Красота она такая, как ее рисовал этот, как его, Рубенс. Я же женщина, а не доска для серфинга. Настоящая русская красота – в пышных формах. Эту мысль нужно до всех зрителей донести.

– Красота она разная, – посмел возразить худосочный журналист. – Кому-то нравятся полные, кому-то худые. Все имеют право выглядеть так, как хотят.

– А я говорю, снимай меня. – Девица почти уперлась в его хилый торс своей роскошной грудью. – Мой вес – это моя философия, понял? И я хочу рассказать об этом миру.

– Так вы вчера рассказали. – В голосе парня уже звучало отчаяние. – Сегодня я кого-нибудь другого запишу.

– Да они три слова связать не могут. А я ж тебе говорю, у меня философия. – Внезапно она сменила тон с надменного на просительный: – Ну, пожалуйста, что тебе стоит, а?

– Ну, хорошо-хорошо, я вас запишу и других запишу, а потом начальство мое выберет, кого в сюжет поставить, – сдался парень скорее всего, чтобы от нее отделаться. – Сейчас мой оператор вернется, он из зала танцевальные номера снимает, и я вас найду. Договорились?

– Я сама тебя найду, – вполне удовлетворенная результатом своих усилий, заявила девица. – И не вздумай исчезнуть, понял?

Журналист обреченно вздохнул. Лаврову стало смешно. От стоящего вокруг гвалта, громкой музыки, приторной смеси ароматов духов и цветов у него начала болеть голова. Может быть, плюнуть на все и съездить со Степкой в парк аттракционов? Он слышал, как приятная блондинка, мать мальчика Гриши, которая, оказывается, была знакома с Верой и стала нечаянной причиной Степкиных слез, что-то говорила мальчишкам про то, что они совсем скоро

поедут в парк. Может, махнуть вместе с ними? Степка, кажется, нашел с этими мальчиками общий язык, и, пока он занят, Лаврову будет не так скучно ждать, когда освободится мама.

Он завертел головой в поисках блондинки, чтобы договориться. Но она куда-то исчезла. Мальчишки – толстенький и худенький – были на месте, а женщины нигде не было.

«Ладно, детей она тут не бросит, так что разберемся», – мрачно подумал Лавров, будучи крайне недовольным собой. Его страх перед собственным сыном выжигал его изнутри.

– А теперь парад мод, – крикнул ведущий со сцены. Грянула музыка, от которой в голове у Лаврова, кажется, что-то лопнуло. Боль пульсировала в темечке, лишая последней возможности соображать. – Модель номер один, коллекция «Лондонский шик».

На сцену выплыла необъятных размеров красавица, в чем-то полосатом, почему-то ассоциировавшемся у нее с Лондоном. На вкус Лаврова, давешняя блондинка, с которой он планировал договориться о поездке в детский парк, соответствовала представлениям о лондонском тумане гораздо больше. Но на вкус и цвет, как говорится... В карнавальном костюме выскочила вторая толстушка, про которую сказали, что она из огненного Рио.

– Нет, это не Рио-де-Жанейро, – пробормотал Лавров и оглянулся посмотреть, не пришла ли Гришина мама, но ее все еще не было. Откуда-то Лавров ее знал. У него было чувство, что они встречались в той, прошлой его жизни, когда он еще не вылетел на обочину, а был вполне себе нормальным ментом. Причем воспоминание не было связано с Верой, хоть блондинка и показала, что знает его именно как Вериного мужа. Нет, в их общей прошлой истории он был «сам по себе мальчик, свой собственный». И почему-то вспомнить, при каких именно обстоятельствах они встречались, казалось ему очень важно.

Не обращая внимания на «Парижское утро» красотки номер три и «Ласточкино гнездо» толстушки номер четыре, он решительно подошел к разговаривающим мальчикам.

– Гриша, а как твоя фамилия? – спросил он.

– Ветлицкий, – чуть удивленно ответил мальчишка, и тут Лавров вспомнил. Блондинку звали Лилия Ветлицкая, и она была следователем прокуратуры. Сам Лавров с ней никогда не работал, но с Ванькой Буниным она дела вела, и тот отзывался о ней вполне благосклонно, хотя вообще-то баб-следователей не признавал.

– Точно, – с облегчением выдохнул Лавров. – Конечно, Ветлицкий. И твоя мама в прокуратуре работает, да?

– Раньше в прокуратуре, а теперь в следственном комитете, – степенно сообщил Гриша, и Лавров усмехнулся про себя.

Разумеется, в следственном комитете. Следствие вывели из состава прокуратуры. Просто за те годы, что он провел на обочине жизни, Лавров про это успел забыть.

– Модель номер шесть, – надрывался ведущий на сцене, – «Серенада солнечной долины».

Лавров подумал, что пропустил буйство фантазии модели номер пять. И это была, пожалуй, последняя легкая мысль, посетившая его голову за сегодняшней день.

– Модель номер шесть «Серенада солнечной долины», – повторил ведущий более настойчивым голосом. – Ольга Разумовская, пройдите, пожалуйста, на сцену.

За кулисами зашевелились, зашушукались, засуетились в поисках пропавшей конкурсантки. За дверью, выходящей на лестницу, послышался чей-то топот, а затем нечеловеческий визг. Мальчишки, возле которых все еще стоял Лавров, переглянулись. Степка снова собрался заплакать, а Гриша, побледнел и начал озираться в поисках мамы.

– Степа, Гриша и ты, мальчик, – он не знал, как зовут худенького паренька, недавно заявившего, что он из детдома, – сидите здесь и никуда не ходите, понятно?

– Хорошо, мы никуда не пойдём, – послушно сказал Гриша. – Вы не думайте, мы понимаем. Меня мама так учила.

– Молодец мама, – сообщил Лавров и выскочил за дверь, за которой стоял нечеловеческий вой. Краем глаза он видел, что туда пробирается и его мама.

На лестничной площадке лежала массивная фигура в ярко-желтой юбке, оранжевой майке в каких-то концентрических кругах. Видимо, именно так, по замыслу создателя, должна была выглядеть «Серенада солнечной долины». Было понятно, что пышнотелая красавица уже никому и никогда не даст интервью, о котором так мечтала. Из левого подреберья у нее торчала ручка обычного офисного ножа для разрезания бумаги, и вокруг него уже расплывалось ярко-алое пятно.

У распростертого на выщербленной плитке тела на корточках сидела Лилия Ветлицкая, прижимающая к груди три стакана с колой. Видимо, она ходила в буфет, чтобы купить мальчишкам попить, и Лавров с благодарностью отметил, что третий стакан явно куплен для Степы. С другой стороны, вжавшись в стену, стояла еще одна участница конкурса, на руке которой был номер «десять», и отчаянно визжала на одной высокой ноте. Лавров сделал шаг вперед и наотмашь ударил ее по щеке. От пощечины голова ее дернулась, но она, по крайней мере, заткнулась.

– Спасибо, – пробормотала красавица дрожащим голосом.

Лавров снова перевел взгляд на мертвое тело и похолодел. На груди у Ольги Разумовской лежал цветок. Благодаря маме Лавров неплохо разбирался во флористике, поэтому с уверенностью мог сказать, что это тигровая лилия. Он перевел взгляд на другую Лилию – Ветлицкую, и она, легонько кивнув, указала ему на голову убитой девушки. Лавров почему-то знал, что он увидит. Это знание пришло откуда-то изнутри и не несло ровным счетом ничего хорошего. В правое ухо жертвы была вдетая крупная пластмассовая сережка, символизирующая солнце. А вот в левом ухе сережки не было.

Лилия Ветлицкая поставила на пол стаканы с колой и вытащила из кармана телефон.

– Ну что, я группу вызываю, – сказала она. – Попрошу всех пройти обратно за сцену, тут не топтать и никуда не уходить. Сергей, пожалуйста, проследите за детьми. Им не нужно это видеть, особенно Степе. Вот, колу им отнесите, пожалуйста.

– О господи, – прошептала из-за спины Лаврова его мама Валерия Сергеевна.

И он, оглянувшись, успел подхватить ее, оседавшую на пол в глубоком обмороке.

* * *

– Нет, Лилька, ты как хочешь, а кент этот подозрителен. – Капитан Леша Зубов из убойного отдела городского УВД даже голос повысил от крайней степени волнения.

Лиля поморщилась. Во-первых, она не терпела фамильярности, а во-вторых, ей всегда казались странными безапелляционные заявления о чей-то виновности, не подтвержденные фактами. Она была бы просто счастлива, если бы в составе поднятой по ее звонку бригады был Ваня Бунин или Дима Воронов. Они были вдумчивыми, серьезными полицейскими, не склонными брать на веру самое простое объяснение случившегося. Но сегодня дежурил именно Зубов.

– Нет, ты скажи, какого рожна он на этом конкурсе оказался, Лавров этот. Молчишь? А я тебе скажу. Он жену свою убил. Отомстил за то, что она его бросила. А когда понял, что под подозрением, то для отвода глаз решил все на маньяка несуществующего повесить. Он так Бунину и сказал, что в городе маньяк завелся. Иван нам рассказывал. Так что он это толстуху зарезал, цветок подложил, а сейчас смотрит, как мы будем с ног сбиваться, ища того, кого не существует. Закрывать его надо, запоет соловьем, и нам беготни меньше.

– А если это не он, Леш? – устало спросила Лиля. Она злилась из-за того, что субботний день пошел насмарку, и очень хотела есть. Детей, включая Степу, она еще до приезда опергруппы отправила к маме. Та приехала за мальчиками на такси и увезла их к себе, так что за них можно было не беспокоиться.

Приехавшая «Скорая» привела в чувство несчастную Лавру, попутно оказав помощь еще нескольким дамам с тонкой душевной организацией, которым тоже

стало плохо от полученного известия. Мероприятие прервали, зрителей распустили по домам, хотя в глубине души Лиля считала, что это неправильно. Убийца вполне мог быть в зрительном зале, ненадолго выйти на служебную лестницу, чтобы совершить преступление, а потом вернуться на свое место и смешаться с толпой.

Но дежурный следователь, тот самый Егор Бакланов, который терпеть ее не мог, отрезал, что удерживать толпу в триста человек не намерен. Он был уверен, что убийца находился среди тех, кто был за сценой, и версия Леша Зубова ему нравилась. Она была удобной, как разношенные мягкие джинсы. И эти комфорт и уют не обещали Сергею Лаврову ничего хорошего.

Тот с благодарностью принял предложение Лили присмотреть за Степой и теперь давал показания Бакланову. Судя по ходящим по щекам желвакам, которые Лиле были видны издали, разговор у них был тяжелым.

– Лилька, или ты хочешь сказать, что он все время был у тебя на глазах, поэтому точно убить не мог? – тревожно вопрошал Зубов. – Ты сразу скажи, если у него алиби.

– Да не был он у меня на глазах, – с досадой ответила Лиля. – Леша, тут куча народу ходила туда-сюда. Я за детьми смотрела, потом в кафе ушла, а там, как назло, очередь. Меня минут пятнадцать не было, и в эти самые пятнадцать минут Разумовскую как раз и убили. Только это не повод обвинять человека в двух убийствах. Понимаешь, Леша?

– Так кого еще обвинять-то? – искренне удивился Зубов. – Ты сама-то посуди. Логично же все получается.

Получалось все действительно очень логично. Это Лиля понимала прекрасно. А потому, отвяввшись кое-как от Зубова, отошла в сторонку и набрала номер бывшего мужа. Сергею Лаврову срочно нужен был адвокат.

Она и сама не могла объяснить, почему ее вдруг так озаботила его судьба. До сегодняшнего дня она никогда с ним не общалась, да и сегодня они перекинулись всего лишь парой слов. Скорее всего, в основе ее внезапной готовности ему помочь лежало затравленное выражение Степиных глаз. Восьмилетнему мальчику, еще не отошедшему от шока после смерти матери,

было совершенно не нужно, чтобы по подозрению в убийстве арестовали его отца.

Лиля успела понять, что Лавров долго жил порознь с сыном, и процесс притирки друг к другу был неизбежен и труден. Осложнять его еще больше было как-то не по-человечески.

Аркадий понял все быстро. Ее бывший муж вообще отличался умом и сообразительностью. Он даже не стал уточнять, почему она просит за какого-то там Сергея Лаврова, хотя, скорее всего, ему это было просто неинтересно. Даже когда они жили вместе, Ветлицкий был неревнив, а уж сейчас ему тем более не было никакого дела до Лилиных интересов, за что она была ему искренне благодарна.

Впрочем, вопрос с его гонораром требовал решения. Альтруизмом Аркадий не страдал, а потому работать бесплатно не стал бы, даже если бы Лиля его об этом попросила. Немного подумав, она подошла к Лавре:

– Валерия Сергеевна, могу я с вами поговорить?

– Можете. – Она уже оправилась от обморока, хотя выглядела бледнее обычного. – Вы ведь подруга Машеньки?

– Да, но это сейчас не важно. Я работаю в следственном комитете и понимаю, что...

– Да-да-да, вы хотите, чтобы я дала показания. Спрашивайте, я отвечу, и все мои коллеги тоже, я уверена, готовы сотрудничать со следствием.

– Нет, следствие ведет мой коллега, тот самый, что сейчас разговаривает с вашим сыном. Я здесь оказалась совершенно случайно, не по работе, меня как раз Маша пригласила. Видите ли, Валерия Сергеевна, я хочу у вас спросить, есть ли у вас возможность оплатить Сергею услуги адвоката. Дело в том, что я пригласила сюда своего мужа, то есть бывшего мужа. Он адвокат, очень хороший адвокат, поэтому недешевый, и он уже едет сюда, и...

– Простите, как вас зовут?

– Лилия.

– Лилия, то есть вы хотите сказать, что в убийстве этой девочки хотят обвинить моего Сережу? Почему?

– Валерия Сергеевна, конкурсантку убили очень схожим с убийством вашей бывшей невестки способом. То есть Веру задушили, а эту девушку зарезали, но есть обстоятельства, которые позволяют предположить, что эти смерти связаны между собой.

– Вы имеете в виду цветок на груди? – спросила проницательная Лавра, и Лилия чуть заметно вздрогнула. Она надеялась, что лилию на груди у Разумовской, заметят не все. – Я знаю про цветок лайма, который нашли на Вере. Мне Сережа рассказывал. И тут тоже цветок – тигровая лилия. Их не было в убранстве зала, потому что они дают довольно тяжелый, агрессивный аромат. Так что тот, кто задумал недоброе в отношении этой девушки, готовился заранее и принес цветок с собой. Сережу со Степой сюда привезла я и могу подписаться под тем, что никаких цветов у него при себе не было.

Это было мудрое замечание, и Лилия подумала о том, что надо бы донести мысль про привезенный заранее цветок до Бакланова, вот только станет ли он слушать? Можно, конечно, за его спиной попросить Зубова опросить продавцов близлежащих цветочных магазинов, не покупал ли этим утром у них кто-нибудь тигровую лилию. Чисто теоретически любой человек, включая Сергея Лаврова, мог незаметно выйти из здания, добежать до магазинчика и купить цветок. С другой стороны, это же глупость какая-то.

– Валерия Сергеевна, а ваш сын по ходу мероприятия никуда не отлучался?

– Я не видела, если честно, – призналась Лаврова. – Я ж тут за все отвечаю. Бегала между режиссером, световиком, звуковиком и своими сотрудниками. У одной конкурсантки истерика случилась от страха. Боялась на сцену выходить. Я ее валокордином отпаивала. Так-то сколько я на них не оглядывалась, Сережа всегда возле Степы был. Но поручиться я за это не могу, врать не буду. Поэтому за адвоката скажу тебе большое спасибо. Это ты правильно придумала. А оплатить его услуги я, конечно, оплачу. Ты не переживай, у меня доходы позволяют самого лучшего адвоката нанять.

– Вы раньше времени не переживайте, – попросила Лиля. Со слов Машки она знала, что Лавра – просто отличная бабка. Впрочем, слово «бабка» никак не подходило этой стильной, умело покрашенной и дорого одетой пожилой даме. – Так-то доказательств, что это Сергей, никаких нет. Просто его знакомство с Верой и присутствие здесь в момент второго убийства нехорошо выглядят. Но следствие разберется, и если он невиновен, то его не осудят.

На слове «если» она поймала себя за язык, но было уже поздно.

– Вы ведь тоже не уверены в его невинности? – догадалась Лавра, снова перешедшая на «вы». – Вы и мужу своему позвонили, потому что в глубине души верите, что Сережа виновен, да?

– Я юрист, Валерия Сергеевна. Я пять лет следователем отработала, поэтому привыкла не доверять своим чувствам и ощущениям, а основываться только на фактах. Поэтому давайте вопросы моей веры оставим за скобками. Мне ваш сын кажется порядочным человеком, просто немного растерявшимся. Но это же не преступление. За это не арестовывают и не судят.

– Ты меня не поймешь, деточка. – Лавра смягчилась и снова вернулась к «ты». – Но я все-таки скажу. На самом деле очень хорошо, что так все сложилось. Эта встряска пойдет Сергею на пользу. В экстремальной ситуации включается режим выживания. И моему сыну уже очень давно пора начать вытаскивать себя за волосы из того болота, в котором он оказался. Убивать он не убивал. Мне, в отличие от тебя, это абсолютно понятно. Поэтому с помощью хорошего адвоката из тюрьмы я его вытащу. А вот из всего остального он сможет только сам.

Лиля действительно ничего не поняла, но вникать не стала. Уточнила лишь, по какому адресу вечером привезти Степу.

– Мы за городом живем. Так что, наверное, будет лучше, если я сама его заберу. Вот только не знаю, во сколько я освобожусь после всего этого кошмара. Так что, наверное, Сергей заедет, если его, конечно, не арестуют.

– Ну, до этого сегодня не дойдет, – уверила ее Лиля. – Этого Аркадий точно не допустит. А вон, кстати, и он.

Ветлицкий довольно быстро отбил злого и растерянного Лаврова у следователя Бакланова. Тот, увидев адвоката, посинел от ярости и бросил на Лилю полный ненависти взгляд. Если бы этим можно было убить, то Лиля скончалась бы на месте, столько яда в нем было. Но к чужой ненависти у нее давно уже выработался иммунитет, поэтому на Бакланова ей было плевать с высокой колокольни.

Аркадий, Сергей и Лавра отошли в сторону, чтобы утрясти финансовые вопросы, и известие о том, что Лаврова просят никуда не выезжать из города и что завтра его пригласят, чтобы вручить подписку о невыезде, следователь пролаял уже им в спину.

Опергруппа уже закончила работу, опрос тех, кто был за сценой, подходил к концу, и Лиля решила, что вполне может уехать к маме и детям. Достав из сумки блокнот, она выдрала оттуда страничку, написала мамин адрес и подошла к Лавровым.

– Вот, когда освободитесь, приезжайте за Степой, – сказала она, протягивая листок Сергею. – Я там еще свой номер телефона написала. Вы позвоните перед тем, как ехать, я обещала детям аттракционы и мороженое. Думаю, что случившееся не должно испортить им день окончательно. Так что особенно не торопитесь. А за Степой я присмотрю.

– Спасибо, – искренне сказал Лавров, а Валерия Сергеевна ласково посмотрела на Лилю, как будто погладила ее глазами.

– Уйди ты, заноза, мешаешь, – недовольно буркнул Аркадий, и Лиля невольно улыбнулась. Ее бывший муж не терпел, когда кто-то вставал между ним и деньгами.

Окинув взглядом помещение за сценой, неожиданно ставшее местом преступления, она решила, что сделала все, что могла. Материала для понедельничного пресс-релиза было более чем достаточно, и, направляясь к выходу, Лиля в уме прикидывала, о чем из случившегося лучше умолчать, а что можно кинуть журналистам как кость. По ее профессиональному разумению, молчать нужно было о подозрительном сходстве двух убийств, то есть о цветах на груди жертв и пропавших сережках. Ничто не расходилось так быстро, как слухи о возможном маньяке, а ставить на уши весь город вовсе не входило в

планы старшего помощника руководителя следственного управления.

Перед уходом она коротко попросила следователя Бакланова предупредить присутствующих о необходимости держать язык за зубами, и, не надеясь ни на то, что он выполнит ее поручение, ни на то, что люди последуют сделанному им предупреждению, она вышла на улицу, вдохнула по-весеннему теплый воздух и поехала к маме и детям, которым с утра обещала приключения. Видит Бог, она имела в виду совсем не убийство.

Остаток дня, впрочем, прошел в полном соответствии с первоначальными планами. Они съездили покататься на каруселях, поели мороженого в кафе, куда за Степой заехал злой и уставший Сергей Лавров. Спрашивать у него Лиля ничего не стала, не хотела лезть в душу, просто коротко отчиталась о том, как прошла у Степы вторая половина дня, отказалась от предложенных денег за мороженое и кивком приняла благодарность за то, что заняла мальчика.

– Ну что, поехали домой? – спросил Лавров у Степы. – Бабушка часа через два приедет. Есть ты вряд ли хочешь, – он скептически осмотрел столик, заставленный вазочками из-под мороженого, – так что можем в компьютерную стрелялку вдвоем поиграть.

– А в шахматы можем? – спросил Степа, и Лиля от неожиданности чуть не свалилась под стол.

– Можем, – чуть озадаченно ответил его отец. – А ты умеешь в шахматы играть?

– Пап, ты что? – укоризненно спросил мальчик. – Я же в шахматную секцию уже три года хожу. Ты ж сам меня туда записывал, я в своей возрастной группе чемпион.

Лиля видела, как отчаянно покраснел Лавров. Видимо, от того, что он когда-то записал сына на шахматы, но благополучно забыл об этом в угаре развода. У него даже уши стали красными под лохматыми, давно не стриженными волосами.

– Ладно, чемпион, посмотрим сегодня уровень твоей игры, – пробормотал он. – Спасибо вам, Лилия, еще раз. Очень выручили. И со Степой, и с адвокатом.

– Не за что, – ответила Лиля, которой почему-то тоже стало неловко. И от искренней благодарности Лаврова, и почему-то даже просто от его присутствия. Когда отец и сын ушли, она даже вздохнула с облегчением.

– Ну что, – преувеличенно бодро сказала она Грише и Матвею, – вы все доели? Можем уходить?

– А мы куда сейчас? – ненавязчиво поинтересовался Матвей. – В интернат или еще куда?

Видно было, что в интернат ему отчаянно не хотелось. Больше всего на свете Лиля сейчас мечтала о том, чтобы оказаться дома и завалиться на диван в гостиной с какой-нибудь книжкой. Однако лицо Матвея было таким поскучевшим, что, глянув на часы, она решилась.

– Вот что, мы еще успеем с вами сходить в кино. В «Шоколаде» (так назывался самый крупный гипермаркет их города, на последнем этаже которого располагался неплохой и уютный сетевой кинотеатр) сегодня «Легенду о золотом драконе» показывают. Пойдем?

– Ух ты. – Матвей от радости даже на одной ноге запрыгал. – Здорово. Гриш, ты ж хочешь посмотреть?

Лиля знала, что ее сын, как и она, лучше бы провел остаток вечера за книжкой. Но Гришка был чувствительным и очень тактичным мальчиком. Ни за что на свете он бы не разочаровал своего нового друга.

– Конечно, хочу, – легко сказал он. – Поехали в «Шоколад», мам. Ты это здорово придумала. – Лиля с благодарностью посмотрела на сына.

Из торгового центра они вышли только в девять вечера. За время фильма дети проголодались, и она завела их в кафе, расположенное под кинотеатром. С каждой минутой, приближающей к возвращению в интернат, Матвей скучнел все больше, поэтому Лиля еще зашла в продовольственный супермаркет, чтобы собрать ему с собой пакет со сладостями, которыми можно было угостить других ребят.

– Давайте поступим так, – сказала она, когда они все-таки сели в машину. – Сейчас отвезем Гришу домой, чтобы он нас не ждал и почитал книжку, а уже потом я отвезу тебя обратно. Заодно проверю, все ли ваши воспитанники на месте. Вдруг правда, они допоздна по улицам шатаются.

– Конечно, шатаются, – с уверенностью сказал Матвей. – Старшие парни раньше полночи не возвращаются. Тем более в субботу.

– Вот и посмотрим.

К интернату они подъехали без нескольких минут десять. Матвей отчаянно зевал на заднем сиденье, переполненный впечатлениями от сегодняшнего дня.

– Устал? – спросила его Лиля. Он тут же принял независимый вид.

– Ни капельки. – И, помолчав, спросил: – А в следующие выходные ты меня возьмешь?

– Не знаю, – честно сказала Лиля. – Если придется на работу выйти, то нет.

– А вообще когда-нибудь возьмешь?

– Обязательно. В следующий раз пойдешь к нам с ночевкой. Мы и субботу вместе проведем, и воскресенье. Вот только не знаю, через неделю это будет, или через две.

– Так это все равно, – голос мальчишки звучал глухо от переполнявшей его радости. – Я подожду. Я вообще теперь всегда буду тебя ждать. Ты только приезжай, ладно? – У Лили перехватило дыхание.

Сдав Матвея с рук на руки воспитателю, Лиля показала служебное удостоверение и заявила, что хочет убедиться, что все воспитанники на месте.

– Так они в постелях уже, – переполошилась дежурная воспитательница, – у нас же в десять отбой. Мы и свет в спальнях выключили уже.

– Ничего, я тихо, – заверила ее Лиля. – Вы же знаете, что у вас в учреждении проверка идет, так что давайте, показывайте.

В спальне, в которую проскочил Матвей, из-под одеял высунулись любопытные мордашки. Дети не спали, поэтому воспитательница включила свет, чтобы Лиля удостоверилась, что все пятнадцать мальчишек на местах. В спальне у младших девочек тоже все было в порядке. Следующей по коридору была спальня мальчиков постарше.

Отворив дверь, Лиля увидела, что за ней совершенно темно. Плотно задернутые шторы пропускали минимум света с улицы, где горел фонарь. На кроватях угадывались лишь контуры тел, накрытые одеялами. Судя по всему, все мальчики были на своих местах. Однако что-то было не так. Лиля физически ощущала какую-то неправильность происходящего. Мозг посылал сигнал, который требовалось понять.

– Пойдемте, – нервным шепотом сказала ей воспитательница, – мы их разбудим. – Ее шепот вошел в окружающую тишину, как нож в масло, и тут Лиля сообразила, что показалось ей странным. Неестественная тишина. В спальне было тихо, очень тихо. Так тихо, как должно быть в комнате, в которой мирно спят люди. Однако в десять часов вечера подростки пятнадцати лет не могли спать так крепко, чтобы не обратить внимание на открывшуюся дверь. В спальне десятилеток с подушек взметнулись все головы, а тут никто не проявил интереса. А это значит, что пока Лиля осматривала другие спальни, детей предупредили, чтобы они притворились спящими. Зачем?

Лиля решительно прошагала к выключателю на стене и щелкнула им. Неровный свет залил комнату, на кроватях началось шевеление, а воспитательница ойкнула.

– Что вы делаете? – возмущенно зашипела она. – У нас же отбой, дети спят.

– Ничего страшного, – заверила ее Лиля. – Детям легко уснуть заново. Они бессонницей не страдают.

Из десяти кроватей на нее смотрели глаза, заинтересованные, наглые, спокойные. Еще на пяти кроватях воспитанники лежали по-прежнему неподвижно, укрывшись с головой. Лиля шагнула к ближайшей такой кровати и

сдернула одеяло. Под ним, как она интуитивно и предполагала, лежало три подушки. Оглянувшись на побелевшую воспитательницу, Лиля прошла по остальным четырем кроватям. Там тоже никого не было. Пять подростков отсутствовали в интернате после отбоя.

- Прекрасно, - сказала Лиля. - В спальне у старших девочек такая же картина?

Воспитательница потупила глаза.

- Сколько детей отсутствуют в здании интерната? Ну, живо отвечайте.

- Пять мальчиков и две девочки. - Женщина в дверях спальни готова была разреветься.

- Так, давайте оставим детей в покое, пройдем в кабинет директора и вызовем, во-первых, полицию. А во-вторых, самого директора. Мне кажется, что в подобной ситуации ваша Ирина Тимофеевна должна уже быть тут и собственноручно писать заявление о том, что вверенные ей дети не вернулись домой. Или у вас такое в порядке вещей?

- Они всегда приходят. - Воспитательница семенила за ней по коридору и говорила дрожащим испуганным голосом. - Мы же не можем каждый день заявлять в полицию.

- Вы можете держать своих детей в строгости и лучше следить за ними. Вам за это зарплату платят. - В голосе Лили слышалась жесткость и металл. Ничуть ей было не жалко эту курицу, которая боялась не того, что нарушает закон, хоть человеческий, хоть божеский, а того, что потревожит свою директрису.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Fleur – цветок (фр.).

2

У. Шекспир «Гамлет».

3

И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок».

Купить: https://tellnovel.com/martova_lyudmila/smert-na-yazyke-cvetov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)